

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PERTSOV, П. П.

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ

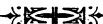

СБОРНИКЪ
ИЗБРАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
МОЛОДЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

СОСТАВИЛИ
П. и В. ПЕРЦОВЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1895.

Промѣхи и недостатки, присущіе каждой работѣ, тѣмъ болѣе неизбѣжны въ столь кропотливой и сложной, какъ предлагаемая. Впрочемъ, возможные пробѣлы изданія объясняются отчасти желаніемъ ограничиться лучшими образцами молодого творчества, какъ наиболее существенными для ея оцѣнки.

К. Бальмонтъ.

ФАНТАЗІЯ.

Какъ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сіянья,
Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей и березъ;
Вѣшій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ луны
пріемлетъ
И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ
грезъ.
Слыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шепчутъ
ели,
Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.
Чьи то вздохи, чье то пѣнье, чье то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье,—точно искрится звѣзда,
Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ
что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
Это мчатся души ночи, это искрится ихъ очи,

Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
Что ихъ мучить, что тревожить? Что, какъ червь,
ихъ тайно гложетъ?
Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ не-
бесъ?
Все сильнѣй звучить ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ,
томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего то
жаль.
А луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ деревь;
Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ
внемлютъ
И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ свѣтлыхъ
сновъ.

МОЛИТВА.

Господи Боже, склони Свои взоры
Къ намъ, истомленнымъ суровой борьбой;
Словомъ Твоимъ подвигаются горы,
Камни, какъ тающій воскъ, предъ Тобой;
Тьму отдѣлил Ты отъ яркаго свѣта,
Создалъ Ты небо, и небо небесъ,
Землю, что трепетомъ жизни согрѣта,
Міръ, преисполненный скрытыхъ чудесъ;

Создалъ Ты рай—чтобъ изгнать насъ изъ рая.
Боже, опять насъ къ Себѣ возврати,
Мы истомились, во мракѣ блуждая,
Если мы грѣшны, прости насъ, прости!

Не искушай насъ безгѣльнымъ страданьемъ,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться къ Тебѣ съ упованьемъ,
Дай намъ, о Господи, слиться съ Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
Боже нашъ, Отче нашъ, полный любви!
Боже, намъ горько, намъ страшно, намъ трудно,
Сжался, о, сжался, мы—дѣти Твои!..

Х СРЕДИ ШХЕРЪ.

Какъ сладко мечтать одиноко,
Забуть всѣ сердечныя раны,
Умчаться далеко, далеко,
Въ волшебныя, чуждыя страны.

За моремъ зоря погасаетъ,
Сливается съ синею далью,
Послѣднія искры бросаетъ
Съ какою-то тайной печалью.

Предъ вами картина такая,
Что съ устъ не срывается слово,—

И бѣлая пѣна морская,
Какъ кудри царя водянаго,

И брызгъ серебристыхъ кристаллы,
И путь вашъ въ пучинѣ безбрежной,
Какъ будто бы въ царство Валгаллы
Вы мчитесь съ Валькиріей нѣжной.

А синее, бурное море
Вамъ шепчетъ какія то сказки;
Въ его перемѣнчивомъ взорѣ
Вы видите страстныя ласки.

И въ ропотѣ водной громады
Вамъ чудится дальнее пѣнье:
Сліянье небесной отрады
Съ тревогой земнаго стремленья.

Х МАРУСЬ С***.

О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня,
Пока въ твоихъ глазахъ сверкаетъ утро мая...
Твой голосъ чуть дрожитъ, какъ серебро звеня,
Съ улыбкой на тебя взираетъ мать родная...
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

Вездѣ насъ ждетъ печаль. Мрачна юдоль земная.
Мнѣ страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
Изъ темнаго угла, твоимъ словамъ внимая,

Смотрю я на тебя и Господа молю:
Пусть будетъ для нея легка стезя земная!

Увы, и предо мной блитали краски дня...
Мой день давно погасъ. Со мною тьма ночная.
И я когда-то пѣлъ, чужую скорбь гоня,
Когда то и ко мнѣ склонялась мать родная...
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

---

* * *

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня;
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.
И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали;
И какіе-то звуки кругомъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ небесъ и земли.
Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сиянемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.
И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли;
Для меня-же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,—
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

В. Брюсовъ.

---

* *
* *

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы теперь? Неужели
Съ вѣнкомъ флеръ-д'оранжа, съ вѣнчальнымъ вѣнкомъ
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мракѣ ночномъ,
Гирляндой цвѣтовъ иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Къ чему вы душой овладѣли,
Къ чему вы трепещете въ сердцѣ моемъ
На брачной веселой постели!

А. Будищевъ.

ОЖИДАНИЕ.

Въ тихій садъ, гдѣ къ цвѣтушимъ сиренямъ,
Какъ влюбленный, прильнулъ вѣтерокъ,
Ты сойдешь по скрипучимъ ступенямъ,
На головку накинувъ платокъ.
Тамъ на бѣломъ атласѣ жасмина,
Какъ алмазы, сверкаетъ роса
И на каждомъ цвѣткѣ георгина
Опьяненная дремлетъ оса.

И луна фосфорически блещетъ,
Грѣя тучки на блѣдномъ огнѣ...
Сколько мукъ въ робкомъ сердцѣ трепещетъ!
Сколько радостей бьется во мнѣ!..
Скоро въ садъ, гдѣ къ цвѣтушимъ сиренямъ,
Какъ влюбленный приникъ вѣтерокъ,
Ты сойдешь по скрипучимъ ступенямъ,
Уронивъ мнѣ на руки платокъ...

А. БУДИЩЕВЪ.

ВЕСНА.

Идетъ, шумить нарядная,
Зеленая весна.
Лазурная, прохладная
Колышется волна.

Колышется, волнуется,
Сверкаетъ серебромъ
И весело цѣлуется
Съ зеленымъ камышемъ.

И съ бѣлыхъ липъ и съ клевера
Ужъ пчелы брали медъ.
Къ пустынямъ мертвымъ сѣвера
Весна отъ насъ идетъ,

И небеса лазурныя
Гремятъ хвалу веснѣ.
Пусть будутъ грозы бурныя,—
Не страшны грозы мнѣ!..

Лазурная, прохладная
Колышется волна;
Какъ дѣвушка нарядная,
Стоить въ саду весна.

ВЪ ПОЛѢ.

Тихо въ полѣ у насъ, тихо ночью и днемъ—
Ухо слышитъ, какъ дышетъ трава...
Только солнце зайдетъ за зеленымъ холмомъ,
И мелькнетъ надъ опушкой сова,
Только звѣзды одна за другою взойдутъ,
Только тучки на встрѣчу къ лунѣ,
Измѣняя цвѣта, на востокъ побѣгутъ,—
Выйди въ поле внимать тишинѣ!
Полежи на межѣ подъ росистымъ кустомъ,
Посмотри, какъ горятъ облака,
Какъ, раздвинувъ камышъ, за зеленымъ холмомъ
Вдаль бѣжитъ голубая рѣка.
Хорошо на межѣ подъ кустомъ полежать,
Помечтать—обновиться душой!
Ты закроешь глаза, и зашепчетъ, какъ мать,
Поле сказки свои надъ тобой,
По душистой травѣ вѣтеръ рябью ползетъ,
Рожь порою плеснетъ, какъ волна...
Ты лежишь и молчишь, только сердце поетъ
И поетъ, и дрожитъ, какъ струна.
Но пора! вѣтерокъ потянулъ холоднѣй,
Звѣзды меркнутъ, востокъ заалѣлъ...
Разскажи, что ты слышалъ отъ тихихъ полей?
Что у синихъ небесъ подсмотрѣлъ?..

УТѢШЕНІЕ.

Малютка, сядь сюда, къ окну, со мною рядомъ!
Мнѣ надо кой-о-чемъ съ тобой поговорить.
Во первыхъ, не изволь упорно такъ грустить,
А, во вторыхъ, взгляни: какимъ сейчасъ нарядомъ

Румяная заря одѣла тучекъ цѣпы!
Тамъ всѣ цвѣта найдешь: лиловый, темносиній,
Какъ блескъ очей твоихъ; серебряный, какъ иней,
И нѣжно-золотой, какъ днемъ осеннимъ степь!

Ты знаешь, почему онѣ такъ нарядились?
На небѣ солнышко даетъ прощальный балъ!
(Объ этомъ вѣтерокъ секретно мнѣ сказалъ)
И вотъ онѣ на зовъ по бальному явились!

А поле? посмотри, оно, какъ изумрудъ,
Лежитъ зеленое—все въ золотистомъ блескѣ!
Ты, можетъ быть, найдешь, что краски слишкомъ
рѣзки?

Но, право, въ этотъ часъ онѣ къ полямъ идутъ

И даль лиловую преило отгѣняютъ.
Но тихо гаснетъ все: и небо, и земля.
Съ заката ночь идетъ; и чутко слышу я,
Какъ яблони цвѣтутъ и тополя вздыхаютъ.

Послушаемъ; сейчасъ заплачетъ соловей
Въ долинѣ у рѣки, гдѣ грустно никнутъ лозы,
Гдѣ мрачно дубъ стоитъ и шепчутся березы,
И щеткой жесткою щетинится репей...

А тамъ сѣдой туманъ поднимется въ поляхъ,
Одѣнетъ озеро и надъ долиной встанетъ;
И мѣсяцъ изъ-за тучъ, какъ грустный инокъ, взгля-
нетъ
На землю грѣшную, заснувшую въ слезахъ,—

Въ слезахъ раскаянья, какъ горькая блудница,
Палимая стыдомъ... Но, только день придетъ
И яркимъ полымемъ охватитъ неба сводъ,
И въ радостныхъ водахъ зарею отразится,—

Земля проснется вновь и станетъ вновь грѣшить
И повторять зады, какъ ученикъ лѣнивый...
И тщетно сѣятель работаетъ надъ нивой,
Способной лишь волчецъ да плевелы родить!..

Но, впрочемъ,—погодимъ пока хандрить, малютка!
Быть можетъ, времена другія подойдутъ!
И будетъ на землѣ въ почетѣ скромный трудъ,
И истинѣ нагой не будетъ въ залахъ жутко

За наготу свою, а люди будутъ жить,
Какъ подобаетъ имъ—безхитростно и честно.
Пока-жъ грядущее навѣрно неизвѣстно,
Не надо и хандрить!

И. Бунинъ.

---

* * *

Бушуетъ полая вода
Въ лощинахъ глухо и протяжно;
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно;

За лугомъ черные бугры
Дымятся въ воздухѣ нагрѣтомъ,
И всюду мягкимъ бѣлымъ свѣтомъ
Стоять тяжелые пары.

А въ полдень лужи у крыльца
Такъ разливаются и блещутъ,
Что въ нашей «дѣтской»—безъ конца
По стѣнкамъ «зайчики» трепещутъ...

*Межъ бѣлыхъ, рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,*

И, БУНИНЪ.

И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишѣхъ гумень и дворовъ...

Совсѣмъ весна! Какъ все ей радо!
Какъ въ забытьѣ какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ...

Все на селѣ живетъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ весной,
А вѣтеръ, легкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

---

* *
*

То разростаясь, то невнятно
Громъ за усадьбой грохоталъ;
Какъ тускля слѣпныя пятна,
На стекла сумракъ набѣгалъ;
Все ниже тучи наплывали,
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей;
Къ межамъ, шумя, хлѣба клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ —
Отсюда съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ...

Но вотъ отчаянно упрямо
Порывъ послѣдній налетѣлъ —

Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Захлопнулась со звономъ рама,
Пахнуло въ комнаты дождемъ...
Раскатъ проснушагося грома
Ударилъ вдругъ надъ крышей дома
И прокатился... Все кругомъ
Затихло сразу, непонятно;
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ —
И широко и благодатно
Весенній ливень зашумѣлъ...
На мѣжи низко наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все такъ же звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ...

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и тепломъ.
Паръ неподвижный и пахучій
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.
А изъ лошинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Дились и въ чашахъ отдавались
Напѣвы раннихъ соловьевъ!...

И. БУНИНЪ.

* * *

Помню,—долгій, зимній вечеръ,
Полумракъ и тишина...
Тускло льется свѣтъ лампы,
Буря плачетъ у окна.

Я лежу въ своей кроваткѣ,
Истомленный и больной.
Мать съ безмолвной, тайной грустью
Наклонилась надо мной.

«Дорогой мой,—шепчетъ тихо,—
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрѣть и веселѣть
Завтра утромъ быть опять,

Позабудь, что воесть вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихій шопотъ лѣса
И полдневный лѣтній зной.

Вспомни, какъ шумятъ березы
А за лѣсомъ, у межи,
Ходятъ медленно и плавно
Золотыя волны ржи».

И знакомому совѣту
Я доверчиво внималъ,
И, обвѣянный мечтами,
Забываться начиналъ.

И. БУНИНЪ.

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
Убаюкиванье грезъ:
Шопотъ зрѣющихъ колосьевъ
И невнятный шумъ березъ.

Дорогая! Снова боленъ
Я и тѣломъ, и душой.
Зимній вечеръ, одинокій
Вѣетъ темною тоской, —

И встаетъ передо мною
Все печальнѣй и грустнѣй
Вереница дней ненастныхъ
Бѣдной юности моей.

Отчего-же, какъ бывало,
Не звучить мнѣ голосъ твой?
Отчего-жь теперь не могутъ
Мнѣ мечты принести покой?!

ВЪ ЛѢСУ.

Какъ флеромъ голубымъ, закрывъ на полчаса
Окрестность, — дождь прошелъ косыми полосами;
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ орошенными полями...

И. БУНИНЪ.

Тепло и аромать... свѣжѣетъ зелень ржи,
На солнцѣ бархатной становится пшеница
И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ, у межи
Болтаютъ веселѣе птицы...

Пойдемъ-же въ лѣсъ... Свѣжа и зелена
Березокъ куща тамъ, и дѣвственны, не смяты
Межъ ними ландыши... Цвѣтущая весна
Тамъ разлила свои лѣсные ароматы.

Пойдемъ туда... И снова, можетъ быть,
Напомнитъ намъ весна и роща молодая,
Какъ молоды еще съ тобой мы, дорогая,
Какъ можемъ мы еще и вѣрить, и любить...

Гр. П. Бутурлинъ.

ФІАЛКИ.

Темныя фіалки, отъ росы измокшія,
Падаютъ изъ ручекъ, ручекъ деревенскихъ,
Ручекъ загорѣвшихъ подъ лучами вешними,
Падаютъ на землю, на траву пушистую,—
Слишкомъ, слишкомъ много ихъ рученьки собрали.
Дѣвушка хохочетъ: весело ей стало,
Что сквозь листья новые солнышко сверкаетъ,
Что кругомъ—и пѣсни и благоуханья,
Что фіалки темныя рано распустились.

Темныя фіалки, отъ вина измокшія,
Падаютъ изъ ручекъ, ручекъ длинныхъ, тонкихъ,
Ручекъ ужъ поблекшихъ подъ устами жадными,
Падаютъ на скатерть межъ остатковъ оргіи,—
Слишкомъ, слишкомъ много ихъ рученьки помяли.
Женщина смѣется: весело ей стало,
Что на ней алмазы радугой сверкають,

Что она лобзанья, честь, сердца, проклятья,
Какъ фіалки темныя, ни во что не ставить.

АРЛЕККИНО.

Арлеккино, мой другъ, я поэму писалъ,—
И не знаю ужъ какъ, ты мнѣ вспомнился вдругъ...
Тамъ о горѣ шла рѣчь, тамъ я въ приемахъ рыдалъ,
Арлеккино, мой другъ!

Уронилъ я перо и бумагу изъ рукъ:
Предо мной, будто смѣхъ воплощенный, стоялъ
Пестрымъ призракомъ ты. «Да взгляни же вокругъ!»

О, философъ и шутъ, ты, смѣясь мнѣ сказалъ:
«Боль лишь слабымъ страшна, страхъ и горе—недугъ!...»
Какъ сердечно ты жизнь и людей презиралъ,
Арлеккино, мой другъ!

БЕЗЛУННАЯ НОЧЬ.

У порога бѣлой хаты,
Въ ароматной мглѣ вѣтвей,
Заливается крылатый
Бардъ украинскихъ ночей.

Нѣтъ луны, но звѣзднымъ свѣтомъ
Ночь лазурна, ночь ясна.

ГР. П. БУТУРЛИНЪ.

Спитъ земля. Въ молчаньи этомъ
Ночь гармоніей полна.

Звонче пѣсня... громче... шире...
Улетаетъ въ даль садовъ!..
Для кого въ весеннемъ мірѣ
Льется пѣсня вешнихъ сновъ?—

Говорятъ, отъ розъ востока
Съ золотой волной лучей
Къ русскимъ розамъ издалика
Прилетаетъ соловей;

Но сегодня не надменныхъ
Славить онъ царицъ весны,
Не поетъ имъ сокровенныхъ
Сказокъ чудной стороны!..

Тамъ, гдѣ яблони такъ низки
И такъ густъ навѣсъ листвы,
У плетня, тамъ, близко, близко
Двѣ склонились головы.

Громче пѣсня вылетаетъ.
Кто услышитъ звукъ рѣчей?—
И лобзанья заглушаетъ
Неустанный соловей!

БАЯДЕРА.

Луна сквозь туманы—блѣднѣй привидѣнья;
Едва серебрится восточная даль;
Созвѣздій дрожать на рѣкѣ отраженья,
Какъ жемчугъ, упавшій на тусклую сталь.

Едва серебрится восточная даль
И думы рабыни туда улетаютъ...
Какъ жемчугъ, упавшій на тусклую сталь,
Лишь первые дни въ темной жизни блистаютъ!

И думы рабыни туда улетаютъ,
Гдѣ вѣчно блѣдетъ святой Эверестъ...
Лишь первые дни въ темной жизни блистаютъ!
Тамъ снился и ей сонъ счастливыхъ невѣстъ.

Гдѣ вѣчно блѣдетъ святой Эверестъ,
Она разцвѣла среди бѣдности вольной;
Тамъ снился и ей сонъ счастливыхъ невѣстъ!..
А смерти страшнѣй—красота для бездольной.

Она разцвѣла среди бѣдности вольной
И вянетъ средь роскоши свѣтлыхъ дворцовъ:—
А смерти страшнѣй—красота для бездольной!—
На рынкѣ Дельхи продается любовь.

И вянетъ средь роскоши свѣтлыхъ дворцовъ,
Что лотоса сорванный цвѣтъ, Баядера;—
На рынкѣ Дельхи продается любовь,
Какъ горсть изумрудовъ, какъ шкура пантера.

Что лотоса сорванный цвѣтъ, Баядера
Въ раздумьи поникла прелестной главой:
«Какъ горсть изумрудовъ!.. Какъ шкура пантеры»!..
Смутился впервые лѣнивый покой.

Въ раздумьи поникла прелестной главой...
У ногъ ея волны журчатъ безмятежно,—
Смутился впервые лѣнивый покой.
Ей слышится голосъ ласкающе-нѣжный...

У ногъ ея волны журчатъ безмятежно:
«Тутъ день безъ веселья, тутъ ночь безъ пировъ!»
Ей слышится шопотъ ласкающе-нѣжный:
«Въ Нирванѣ исчезнуть и стыдъ, и любовь!..

«Тутъ день безъ веселья, тутъ ночь безъ пировъ!
Тутъ мысль не томить, не томить наслажденья,—
Въ Нирванѣ исчезнуть и стыдъ, и любовь»...
Луна сквозь туманы—блѣднѣй привидѣнья.

ЮНЬСКІЯ НОЧИ.

Отцвѣтаютъ послѣднія кисти сирени,
И ужъ тонкая зелень березы темна...
Какъ теплы на закатѣ пурпурныя тѣни!
Умираетъ въ объятіяхъ лѣта весна.

Но въ пахучемъ пріютѣ дубравъ утопая,
При златистомъ сіяньи юньской луны,—

Будто блещетъ еще полнолуніе мая,—

Соловей все поетъ про восторги весны.

Вдохновенная ночью и свѣтомъ, и страстью,

Раздробляется пѣсня, какъ въ брызги волна...

И не знаетъ пѣвецъ, что конецъ его счастью,

И не хочетъ онъ знать, что не вѣчна весна!

ЭЛЕГІЯ.

Средь мечтаній сокровенныхъ, мимолетнымъ приви-
дѣньемъ,

Не встаетъ ли предъ тобою наша мертвая любовь?

Иль забыла ты, быть можетъ, что другъ друга мы лю-
били

Первой страстью молодою, какъ потомъ не любятъ вновь?

Ты тогда была прекраснѣй безупречныхъ изваяній;

Взоръ лучился, то синѣя, какъ въ іюлѣ небеса,

То зловѣще зеленѣя, точно волны передъ бурей;

Бронзой, солнцемъ освѣщенной, отливались волоса...

Въ дни великихъ вдохновеній вся Эллада на колѣняхъ,

Въ чистомъ мраморѣ Пароса, обожала бы тебя!

И, какъ нищему царица даровала-бъ діадему,

Эту роскошь совершенства отдала ты мнѣ, любя!

И восторги мы познали безъ предѣловъ и безъ мѣры.

Дивной сказкой, а не жизнью, стала жизнь тогда для
насъ!

Солнце чудилось свѣтлѣе и роскошнѣе природа!..
Но невѣрный, какъ комета, улетѣлъ блаженства часъ.

Отчего и какъ разстались? Кто съ слезами? Кто со
смѣхомъ?

Хоть то было такъ недавно, — Боже мой! не все-ль
равно!

Не вернется же то время, какъ фіалки прошлыхъ
весень,—

И забыть тебѣ, быть можетъ, какъ мнѣ помнить суж-
дено!

А вчера средь блеска бала, средь сверканій и веселья,
Подъ ликующіе звуки къ сладострастію маня,
Вся прелестна и надменна, какъ побѣдная богиня,
Ты на мигъ свой взоръ спокойный обратила на меня...

Жизнь отдалъ бы я за слово хоть пустѣйшаго привѣта,—
Ты въ глаза мнѣ посмотрѣла, не узнала и прошла.
О, зачѣмъ судьба въ послѣднемъ, предразлучномъ по-
цѣлуѣ

На устахъ твоихъ пурпурныхъ умереть мнѣ не дала!..

Жаждасть счастья былого—пытка выше всякой пытки,
И бываетъ, что безумно я завидую тебѣ:
Ты не помнишь! иль, сильнѣе тиранической природы,
Голосъ совѣсти и сердца заглушила ты въ себѣ?..

Невозможно! невозможно! — хоть рабой страстей ты
стала,
Не надѣюсь,—нѣтъ! я вѣрю!—нѣтъ! я знаю, что порой,

ГР. П. БУТУРЛИНЪ.

Средь мечтаній сокровенныхъ, укоряющимъ видѣньемъ,
Блѣдный призракъ мой несется неотвязно предъ тобой...

---

* * *

Ночи у моря мятежнаго,
Шумныя музыкой волнъ,—
Счастія вкрадчиво-нѣжнаго,
Мира, какъ море, безбрежнаго
Ласковый ропотъ ихъ полнъ!

О, что за тайны прекрасныя
Море поетъ, вашъ поэтъ,—
Ночи томительно-страстныя,
Ночи безъ мѣсяца ясныя
Бѣлымъ сіяньемъ планетъ!..

В. Величко.

ИЗЪ «ЖЕНСКИХЪ СИЛУЭТОВЪ».

Наканунъ.

Она не дѣвочка!.. Ей сердце волновали
Пороки разныхъ думъ, и счастье, и печали;
Горючихъ ея слезъ не мало пролито,
Цвѣты любви не разъ въ ней расцвѣтали пышно,
Но кто-то ей всегда нашептывалъ чуть слышно:
«Нѣтъ!.. все не то!..»

И часто на челѣ ея видна забота,
Волненье странное... Да, ждетъ она чего-то,
Кюю-то ждетъ она!.. Еще не бушевалъ
Въ пучинѣ чувствъ ея, бездонной и безбрежной,
Всепобѣдительный, могучій и мятежный
Девятый валъ!..

ИНОПЛЕМЕННОМУ.

Какъ мать мила отчизна мнѣ:
Святой вѣнецъ ея страданій,
Завѣтный кладъ ея преданій,
И зыбкій пламень упованій
Ношу я въ сердца глубинѣ.

Рѣки могучей, многоводной
Мнѣ сладко быть живой волной.
Но свѣточъ радости иной
Зажоженъ мнѣ близостью съ тобой,
Иноплеменникъ благородный!

Мнѣ даль грядущаго видна.
Пусть враждовали наши дѣды!—
Стонъ пораженья, кличъ побѣды—
Умолкнеть все! Исчезнуть бѣды,
Падеть китайская стѣна!..

Еще всесильна мгла тумана...
Но руку жметъ твоя рука:
Отходятъ звѣрскіе вѣка,
Быстрѣй родимая рѣка
Несется къ безднѣ океана!..

---

* *
*

Ночь усталый міръ заворожила
И туманъ клубится надъ полями.

В. ВЕЛИЧКО.

Въ выши́нѣ, синѣющей надъ нами,
Замерцали кроткія свѣтила.

Мы одни... Безмолвствуетъ дорога...
Сонъ волшебный овладѣлъ душою...
— И люблюсь молча я тобою,
Хоть сказать хотѣлось-бы такъ много!..

✕ НА МОТИВЪ НИКОЛЬСОНА.

Однажды, отъ трудовъ и странствій утомясь,
Съ любовью кроткой смерти на отдыхъ сошлась;
Дремота сладкая обѣихъ одолѣла —
И затуманилъ сонъ богинямъ ясный взоръ...
Тогда, колчаны ихъ украдкой взявъ, Раздоръ
Коварною рукой перемѣшалъ въ нихъ стрѣлы.

Съ тѣхъ поръ случается, что смерти злой рука
Не губить ветхаго сѣдаго старика,
А жгучею стрѣлой въ немъ страсть воспламеняетъ;
И, юношамъ пронзивъ безумныя сердца,
Любовь ихъ не даритъ блаженствомъ безъ конца,
— А убиваетъ...

✓ ГОРІЙСКАЯ БАШНЯ.

(Грузинская народная баллада).

І.

*Странникъ! ты видишь ли тамъ Горійскую башню вдали,
Тамъ, на утесѣ крутомъ, твердыню грузинской земли,*

Тамъ, гдѣ Ліахва-рѣка, вся въ жемчугѣ, вся въ се-
ребрѣ,

Мчится въ объятія къ Курѣ?

Много къ той башнѣ и волнѣ, и недруговъ лютыхъ
рвалось,

Много надъ гордымъ челомъ столѣтій сѣдыхъ про-
неслось...

— Видишь: доселѣ никто твердыни разрушить не
могъ!

Выбралъ ей мѣсто самъ Богъ!

2.

Было то въ славные дни Тамары, царицы царей.
Разъ, надъ Ліахвой-рѣкой охотиться вздумалось ей,—
Барсовъ, оленей разить въ горахъ и зеленыхъ лѣсахъ,
Птицъ въ голубыхъ небесахъ.

И многорогій олень стрѣлѣ самъ навстрѣчу бѣжить,
Соколъ безъ усталости птицъ могучею грудью разить...
Здѣсь, надъ Ліахвой-рѣкой, любуюсь охотой своей,
Сѣла царица царей.

И джигитуютъ князя,—народа грузинскаго цвѣтъ,—
Носятся беки, паши звѣрямъ быстроногимъ вослѣдъ...
Чтобъ отъ царицы стяжать хвалу иль хоть ласковый
взглядъ,

Рьяныхъ коней не щадятъ.

Но на своихъ удалцовъ Тамара-краса не глядитъ.
Ястребъ любимый ея на дальней вершинѣ сидитъ,—

В. ВЕЛИЧКО.

Бѣдной добычей своей на волѣ потѣпиться радъ,
Не прилетаетъ назадъ!..

Трубить серебряный рогъ, сзываетъ князей и пашей;
Шлетъ удалцовъ молодыхъ Тамара за птицей своей.
Пѣной сверкаетъ рѣка, шумить, разлилась широко!..
Птицу добыть не легко!

Жмутся князья и паши: страшна имъ пучина рѣки!
Молвить царица: «О стыдъ! Такъ вотъ каковы смѣль-
чаки?!

«Знайте-жъ! Чего бѣ ни спросилъ—всего удостоится
тотъ,

«Птицу кто мнѣ принесетъ!»

3.

Беки, тавады, паши стыдятся, столпилися въ кругъ...
Вотъ... раздалася толпа—и юноша выступилъ вдругъ:
Кудри: что темная ночь, а очи его—васильки!
Онъ не боится рѣки.

Солнца Тамара свѣтлѣй,—но взоръ въ нее витязь вперилъ!
Грозно клокочетъ рѣка,—но витязь ее переплылъ!
Ястребъ высоко сидитъ—но доблестнымъ юношейвзять!
Витязь плыветъ ужъ назадъ!

4.

Сердце Тамары полно и страха, и смутныхъ тревогъ:
Взоръ этихъ свѣтлыхъ очей смущалъ ея сердце и
жегъ!

Что, если юный смѣльчакъ за подвиги спросить свои
Ласкъ ея, сердца, любви?!

Ликъ омрачился ея—стала она умолять
Слезной, горячей мольбой Гелатскую Божию Мать:
«Будь мнѣ щитомъ, если онъ за подвиги спросить
свои
«Ласкъ моихъ, сердца, любви!»

«Славу дѣяній моихъ, добычу великихъ побѣдъ,—
«Все отдала я тебѣ, святой выполняя обѣтъ,
«Богу красу отдала, а сердце—родимой странѣ!..
«Будь же заступницей мнѣ!..»

5.

Вздучась горами рѣка, бушуетъ, клокочетъ, реветъ,
Черныя кудри пловца волна серебромъ обдастъ...
Берегъ уже недалекъ... Пронзительно птица кричить:
На берегъ витязь глядитъ...

Пристально, страстно глядитъ пловецъ на Тамару...
Но мигъ!
— Съ ревомъ плеснула волна... Раздался отчаянья
крикъ...
Юноша въ безднѣ исчезъ!.. Рѣка, вся блестя въ серебрѣ,
Мчится въ объятія къ Курѣ...

6.

Свѣтлыя слезы изъ глазъ Тамары-красы потекли...
Снова Царицѣ Небесъ молилась царица земли.

В. ВЕЛИЧКО.

Знала лишь бѣлая грудь — о чемъ такъ молилась
тепло,—

Мудрое знало чело!..

Замокъ надъ шумной рѣкой, бѣгущей въ объятія къ
Курѣ,
Волей парицы тогда возникъ на высокой горѣ,—
Въ память о бѣдномъ пловцѣ, что смертію душу ей
спасъ,

Въ славѣ сверкнулъ—и погасъ!..

7.

Странникъ! ты видишь ли тамъ Горійскую башню
вдали?

Доблесть воздвигла ее, твердыню грузинской земли!
Молвить народу она, главой поднимаяся въ твердь:
«Смертію попрана смерть!..»

Много къ той башнѣ и волнъ и недруговъ лютыхъ
рвалось,
Много надъ гордымъ челомъ столѣтій сѣдыхъ про-
неслось...

—Видишь: доселѣ никто твердыни разрушить не могъ!
Выбралъ ей мѣсто самъ Богъ!

М. Гербановскій.

РАЗЛУКА.

Въ дымкѣ вечера терялась
Даль безмолвнаго пути...
Въ сердцѣ стономъ отзывалось
Замиравшее «прости!»
    Передъ ужасомъ разлуки,
    Предъ безуміемъ тоски—
    Даже слезы, даже муки
    Мнѣ казались легки.
Колыхались въ пестрой смѣнѣ
Думы въ памяти моей,
Словно спутанныя тѣни
Раскачавшихся вѣтвей...
    Сердце въ страхѣ холодѣло,
    Упова на любовь:
    То надѣялось несмѣло,
    То отчаявалось вновь!
Какъ невинный передъ казнью,

М. ГЕРБАНОВСКИЙ.

Ждущий милости суда,
Мысль, смущенная боязнью,
Повторяла: «любить?.. да?..»
Ночь молчала, как угроза...
Все темнѣла даль пути...
«Не забудь!»—шептала греза,
А уста—«прости!.. прости!..»

ВЪ СТЕПИ.

(Сонетъ).

Надъ степью чуть брезжить молочный разсвѣтъ...
Вдали очертанья туманны и плоски...
Сливаетъ проснувшійся гулъ отголоски
Въ какой-то неясный предъутренній бредъ.

Ростутъ и мѣняють причудливо цвѣтъ
Далекихъ лучей золотыя полосы...
Слышнѣ ручья мелодичные всплески
И ранняго вѣтра душистый привѣтъ.

Степь дышетъ еще нерастаявшимъ паромъ
И бредить, о чемъ то сквозь сонъ говоря,
Покорная ночи властительнымъ чарамъ...

Востокъ отливаетъ игрой янтаря...
Вотъ вспыхнуло небо мгновеннымъ пожаромъ
И медленно солнце восходитъ... Заря!

В. Гессенъ.

ЖИЗНЬ.

Юноша, челнъ снаряжая, пускался въ открытое море...
Тщетно твердятъ старики, возвращаясь изъ странствій

далекихъ,

Какъ беспощадно на морѣ свирѣпствуютъ злобныя
бури,

Какъ угрожаютъ пловцамъ и подводные камни, и
мели,—

Вѣрой, надеждой и силой блестятъ его смѣлыя очи.

Старцемъ къ желанному берегу онъ, наконецъ, под-
плываетъ;

Видитъ—и здѣсь собираются юноши смѣлой толпою

Ввѣрить отважно могучему морю безсильные челны.

Тщетно про тайныя мели, и скалы, и бури твердитъ
онъ—

Вѣрой, надеждой и силой восторженно блещутъ ихъ
очи...

* * *

Умереть я хотѣлъ бы у моря... На берегъ отлогіи
Принесите меня; помогите мнѣ сѣсть на песокъ
И уйдите... На сердцѣ утихнутъ бывшая тревоги
И лицо мое влажнымъ крыломъ опашнетъ вѣтерокъ!..
Нѣтъ безумнаго страха, тоски безнадежной во взорѣ...
Жизнь и смерть—это море и небо... Они предо мной—
Тихо спящее небо и шумно-мятежное море
И туманная, тайная вѣчность за гранью земной..
Какъ дыханье волны, уношусь я въ лазурь небосвода
И глухіе удары прибоя стихаютъ вдали...
Пали брѣнные цѣпи, тяжелыя цѣпи земли...
Кто-то шепчетъ: Свобода, свобода!..

В. Дрентельнъ (Юрьевъ).

---

* * *

Вывела курица малыхъ утятъ;
На воду жадно утята глядятъ;
Бродятъ они въ камышахъ у пруда, —
Больше и больше ихъ тянетъ вода!
Рвутся утята въ студеную воду,
Видно почуяли близко свободу.
Страшно становится бѣдной насѣдкѣ:
Не утонули-бы глупыя дѣтки?
Право, и насъ подмѣнили когда-то!
Развѣ мы съ вами не тѣ-же утята?...

---

* * *

Въ сумракѣ ночи, въ одной изъ аллей,
Звучную пѣсню запѣлъ соловей.
Старая пѣсня! Избита немного...

Но не суди ее, милая, строго,—
Въ жизни земной безпощадной, суровой,
Вѣчно любовь будетъ пѣснею новой!

---

* * *

Роняетъ листь береза;
Чернѣютъ на корѣ
Какія-то двѣ буквы,
Какъ чернь на серебрѣ.

Ты помнишь-ли то время,—
Тотъ свѣтлый, лѣтній день,
Убогую скамейку,
Березъ зеленыхъ тѣнь?

Ты помнишь-ли, какъ сразу
Чертила ты ножемъ
Двѣ буквы—на березѣ
И на сердцѣ моемъ?

Сотрутъ-ли годы буквы
Съ серебряной коры —
Не знаю... Но глубоко
Грущу я съ той поры!

---

* * *

Кто безъ любви спокойно
Прожить на свѣтѣ могъ,

Тотъ былъ счастливый смертный...
Но кто любилъ—тотъ богъ!

И я былъ тоже богомъ,
И много я любилъ!—
И цѣлый міръ страданій,
Какъ Богъ, я сотворилъ...

---

* * *

Вдали отъ людскаго веселья,
Гдѣ плещутъ бокалы съ виномъ,
Сижу я одинъ у камина
И тихо... все тихо кругомъ...

Сидить у меня на колѣняхъ
И сказку мурлычить мой котъ;
И Васька, и я— мы рѣшили,
Что встрѣтимъ въ семьѣ Новый годъ.

Не будетъ у насъ ни веселья,
Ни шума, ни праздныхъ рѣчей,
Не будетъ пустыхъ пожеланій,
Улыбокъ чужихъ намъ людей.

Не будетъ ни музыки бальной,
Не будетъ ни капли вина,—
И мѣсяцъ къ намъ только заглянетъ
Сквозь мерзлыя стекла окна.

В. ДРЕНТЕЛЬНЪ.

Блеснетъ онъ таинственный, грустный,
Блеснетъ на полу, на окнѣ,
И милой портретъ озаритъ онъ,
Играя на бѣлой стѣнѣ.

Вздохнетъ она, будто живая,
Огонь загорится въ глазахъ...
И взглянетъ она,—и улыбка
Мелькнетъ у нея на губахъ.

Изъ рамки холодной и тѣсной
Ко мнѣ она тихо сойдетъ,—
И будетъ такъ сладко, такъ больно
Встрѣчать намъ вдвоемъ Новый годъ!

А. Жиркевичъ (Нивинъ).

БАХЧИСАРАЙ.

Какая ночь! Какъ много свѣта!
И какъ душиста мгла долинъ!..
Давно на вышкѣ минарета
Умолкъ тоскливый муэдзинъ.
Давно надъ блѣдными горами.
Заря погасла, какъ пожаръ...
Уже безмолвствуетъ базаръ.
Подъ кружевными тополями,
На крышѣ плоской, у огня,
Сидитъ татарская семья;
Играютъ дѣти... Въ саклѣ дальней
Стыдливо замеръ звукъ зурны,
Меланхолический и печальный,
Какъ всплескъ таврической волны...
Скользнула тѣнь; за ней—другая...
Гостей обычныхъ поджидая,
Кофейни дремлютъ... По камнямъ

А. ЖИРКЕВИЧЪ.

Простукалъ всадникъ... Здѣсь и тамъ,
Въ садахъ таинственны и нѣмы,
Подъ говоръ оживленный водъ,
Мерцають сонные гаремы...
Чу! Словно крикъ!.. И вновь плыветъ
Безшумно тѣнь... Въ горячемъ мракѣ,
Вслѣдъ за скрипучею арбой,
Перекликаются собаки...
Ведутъ коней на водопой...
И снова—тишь, и сонъ, и зной!..

Вл. Жуковскій.

ИЗЪ ВЕСЕННИХЪ ПѢСЕНЪ.

Какъ свѣтлы твои восходы,
Вешній день, душистый день!..
Сломанъ ледъ: рѣзвятся воды,
Скоро тронется сирень,
И аллея вѣковая,
По приказу грозъ и мая,
На себя набросить тѣнь.

Липы ждутъ пчелиныхъ пѣсень,
Пчелы—липовыхъ цвѣтовъ:
Зимній улей сталъ имъ тѣсень,—
Медомъ вѣетъ отъ луговъ...
Вѣетъ сказкой ароматной,
Вѣетъ тайной благодатной
Вешнихъ грезъ и жаркихъ сновъ.

ВЛ. ЖУКОВСКИЙ.

Жду грозы... Клубятся тучи...
Грянулъ громъ надъ головой...
Дышетъ свѣжестью могучей
Жемчугъ сѣти дождевой...
И, въ безмолвіе закованъ,
Я невольно очарованъ
Свѣжей рѣчью грозовой.

А. Коринфскій.

РУСАЛОЧЬЯ ЗАВОДЬ.

(Изъ волжскихъ сказаній).

Подъ суглинистымъ обрывомъ, надъ зеленымъ круто-
яромъ,

День и ночь на темный берегъ плещутъ волны въ
гнѣвъ яромъ...

Не пройти и не проѣхать къ той пещерѣ, что подъ
кручей

Обозначилась изъ груды мелкой осыпи ползучей...

Выбиваютъ прямо съ-дна, и, зимой не замерзая,

Шесть буруновъ-водомеровъ и гремятъ, не умолкая;

Закружить любую лодку въ пѣнѣ ихъ молочно-бѣлой,

И погибнетъ, и потонетъ въ ней любой безумецъ
смѣлый,

Далекò потомъ далёко, на просторѣ на гульливомъ

Тѣло мертвое на берегъ Волга выброситъ приливомъ...

Было время... Старожилы рѣчь ведутъ, и не обманно.

Что стояла эта заводь, какъ болото, недвижно;
Въ камышахъ, огородившихъ омутъ чашею зеленой,
Шесть русалокъ выплывали изъ рѣчной воды студеной,
Выплывали и прохожихъ звали пѣснями своими
Порѣзвиться въ хороводѣ подъ луною вмѣстѣ съ ними.
И, бывало, кто поддастся приворотному призыву
Да сойдетъ къ рѣчному логу косогоромъ по обрыву,—
На него всѣ шесть русалокъ и накинута толпою,
Перекатнымъ звонкимъ смѣхомъ заливаясь надъ водою.
Защекотятъ сестры на-смерть гостя бѣлыми руками
И глаза ему замечутъ разноцвѣтными песками;
А потомъ,—потомъ заркоутъ въ той пещерѣ, въ той могилѣ,
Гдѣ другихъ гостей безъ счету—безъ числа похоро-
нили...

Кличъ русалочій приманный услыхалъ одинъ прохожій,
Вѣщей силой надѣленный, прозорливый старецъ Божій,—
Услыхалъ и проклялъ заводь,—нерушимымъ гнѣвнымъ
словомъ,

И на берегъ, и на волны палъ туманъ густымъ покровомъ...

Въ тотъ-же мигъ сталъ осыпаться по обрыву щебень
сѣрый

И повисъ щитомъ надежнымъ надъ осѣвшею пещерой,
А русалки такъ и сгибли въ расхोдившейся пучинѣ,—
Шесть гремучихъ водометовъ съ той поры тамъ бьютъ
донинѣ...

Вешней ночью въ этомъ плескѣ слышны дикіе призывы,
Вняты робкія моленья, слезъ и смѣха переlivы;
А подъ утро надъ ключами, передъ зорькой ранымъ-
рано,

Шесть тѣней дрожать и вьются въ дымномъ облакѣ
тумана;

Конный мимо нихъ несется, не жалѣя конской силы;
Пѣшій усталъ забываетъ близъ русалочьей могилы...
И поютъ ключи-буруны, слезно плачутъ въ гнѣвѣ яромъ,
Точно правятъ панихиды надъ зеленымъ крутояромъ...

---

* * *

Вечеромъ душистымъ, теплою весною,
Въ часть—когда зарею небо расцвѣтилось,
Въ часть—когда алмазной, чистою росой,
Какъ слезами, роза подъ окномъ покрылась,—
Тихо угасала на своей постели
Ты, моя родная, мой ребенокъ бѣдный—
Тихо, какъ ребенокъ, спящій въ колыбели,
Безъ борьбы, безъ стона. Лишь, какъ призракъ
блѣдный

Райскаго блаженства,—кроткая улыбка
На устахъ мелькнула: словно ты встрѣчала
Гостя дорогаго, словно сознавала,
Что въ живыхъ остаться было бы ошибкой...
Бѣдный мой ребенокъ! Въ жизни ты узнала
Столько лжи, обмана, столько зла и горя,
Что конецъ встрѣчаешь ты, за жизнь не споря,
Словно, въ немъ ты видишь лучшее начало...
Да къ чему и спорить было бы съ судьбою?
Развѣ не забота матери прилежной—
Если смерть приходитъ ясною весною,

А. КОРИНФСКИЙ.

Въ часъ, когда темнѣетъ неба сводъ безбрежный,
Въ часъ, когда кропится садъ живой росой?..

«ANDANTE AMOROSO».

При ней меня задѣлъ въ пустомъ, но жаркомъ,
спорѣ

Мой другъ, мой лучший другъ... Обидныя слова
Сорвались у него случайно въ разговорѣ,
И онъ забылъ о нихъ, промолвивъ ихъ едва...
Вся вспыхнула она... Въ глазахъ сверкнуло пламя,
И голосъ задрожалъ... И понялъ я душой,
Что связь незримая явилась между нами,
Что я среди другихъ одинъ ей не чужой.
Пусть это не любовь! Пусть это мимолетно,
Какъ трепетъ вѣшнихъ зорь въ струяхъ рѣчной
волны,—

Но думы съ этихъ поръ одной мечтой полны,
Но сердце рвется къ ней, томяся безотчетно...

ИЗЪ ОСЕННИХЪ НАБРОСКОВЪ.

Сегодня цѣлый день бродилъ я по лугамъ,
Съ двустолкою въ рукахъ... Знакомыя картины
Мелькали предо мной... Пестрѣли здѣсь и тамъ
Усадьбы сѣрыя; дымилися овины
На гумнахъ у крестьянъ; по берегу рѣки
Ютилось на горѣ село съ убогимъ храмомъ;
Паслись по озимямъ стада-особняки;

Обманивая глазъ, на горизонтѣ самомъ
 Зубчатою стѣной вставалъ сосновый боръ,
 И лѣтомъ, и зимой хранящій свой уборъ...
 На всемъ замѣтенъ былъ истомы грустной слѣдъ...
 Угрюмъ, печаленъ видъ природы сиротливой
 Осеннею порой,—а все-жъ иной поэтъ
 Найдеть ее подчасъ и пестрой, и красивой!..
 Его плѣнить собой узорная гряда
 Курчавыхъ облаковъ на блѣдномъ небосводѣ,
 Излучина рѣки,—быть можетъ, иногда
 И самая печаль, разлитая въ природѣ...
 Она его душѣ мечтательной сродни:
 Въ ней—отголосокъ думъ, желаній и волненій,
 Она исполнена тревоги, какъ они,
 Она таинственна, какъ своенравный геній
 Пѣвца-художника... Невидимая нить
 Привязываетъ къ ней природы властелина,
 И—съ ней наединѣ—способенъ онъ забыть
 Минуты горькія, часы тупаго сплина,
 Обиду кровную, лишеній тяжкій гнетъ,
 Измѣну женщины, грядущихъ дней тревогу,—
 Его упавшій духъ невольно оживетъ,
 Больная мысль найдетъ желанную дорогу...
 Куда ни кинетъ онъ пылливо грустный взглядъ—
 Мелькаютъ образы, плывутъ живыя тѣни;
 Повѣтъ вѣтеркомъ—неслышно налетятъ
 Всѣ спутники его минутныхъ вдохновеній:
 Тутъ рѣимы звонкія ласкаютъ чуткій слухъ,
 Здѣсь строфы мѣрныя сплетаютъ рядъ созвучій,
 А тамъ—растетъ мотивъ... И въ мигъ воспрянетъ духъ,
 И сердце застучитъ, и стихъ готовъ летучій...

...Такъ вотъ и я съ утра до вечера бродилъ
По берегамъ рѣки, среди родной природы...
Забывши о ружьѣ, нерѣдко я слѣдилъ
За стаяй вольныхъ птицъ, прорѣзывавшихъ своды
Тяжелой мантией нависшихъ облаковъ,
Терявшихся вдали, въ таинственномъ просторѣ,
И крикнуть былъ порой, смотря имъ вслѣдъ, готовъ:
«Снесите мой привѣтъ за радужное море!...»

. . . . .
Лишь позднимъ вечеромъ вернулся я домой,
Съ пустою сумкою—измученный, усталый...
Казался городъ мнѣ огромною тюрьмой,
И грудь была полна тоскою небывалой;
Душа опять рвалась отъ каменныхъ громадъ
На волю, на просторъ... А сердце въ пѣсню муки,
Въ больную пѣснь любви, слагало наугадъ
Природой сѣрою подсказанные звуки...

СОСѢДИ.

Морозъ себѣ палаты
Построилъ между горъ,
Въ серебряныя латы
Одѣлъ дремучій боръ—
Узорами иголокъ
Отъ елей вѣковыхъ
Расшилъ парчевый пологъ
Изъ тканей снѣговыхъ...
Гуляя на свободѣ,
Затѣйница-мятель

Постлала воеводѣ
Пуховую постель...
Отъ скуки и отъ злости
Не спится старику,—
Пошелъ онъ ночью въ гости
Къ сосѣду-лѣснику...
Тотъ старъ, какъ эти ели,—
Не помнитъ самъ, когда
Всѣ кудри побѣлѣли...
Да это не бѣда!
Огня, да силы хватить:
Двумъ молодцамъ подчасъ
Не сладить,—дѣдъ подхватить—
Готово въ добрый часъ!..
Стучить морозъ клюкою
Въ избушку, а—въ отвѣтъ:
—«Эхъ, время-то какое,
Морозовъ даже нѣтъ!..
Досадно и обидно
Морозу, а не въ мочь
Съ сосѣдомъ сладить, видно:
Идетъ воитель прочь!
Весь лѣсъ предъ нимъ трясется,
Поклоны отдаетъ;
«Косой» стремглавъ несется—
Далеко не уйдетъ!
Стучить Морозъ, грохочетъ
На всю лѣсную ширь;
А дѣдъ въ избѣ хохочетъ:
—«Ну, горе-богатырь!..
«Такіе-ли бывали

А. КОРИНФСКИЙ.

«Морозцы иногда,
«Да мы не горевали
«Въ старинные года!..»

Старикъ и самъ не промахъ,
Слѣдитъ въ лѣсу за всѣмъ,
Живетъ въ лѣсныхъ хоромахъ,
Не зная ни съ кѣмъ.
Отъ взгляда съ черной думой
Бросаетъ всѣхъ въ ознобъ:
Бороться съ нимъ не думай,—
Уложить сразу въ гробъ!
Сродни онъ зимней вьюгѣ
Въ своемъ краю родномъ,
Сльветъ по всей округѣ
Могучимъ колдуномъ,—
Живетъ среди природы
И дожилъ до ста лѣтъ
Мороза-воеводы
Таинственный сосѣдъ.

Л. Косуновичъ.

---

* * *

Пой, моя малютка! Сумракъ наступаетъ,
И, какъ будто съ грустью, вонъ за той горой
Золотая зорька тихо догараеть...
Пой, моя малютка! я одинъ съ тобой.

Русую головку съ пышною косою
Тихо буду гладить на груди своей,
Обниму тихонько любящей рукою...
Пой, моя малютка! Пой, мой соловей!

Въ чудныхъ переливахъ голоса родного
Отдохну мятежной, страждущей душой.
Любящаго друга, грустнаго, больного,
О, моя малютка, пѣсней успокой!

* * *

Погляди, какое небо!
Погляди, какія краски!
Подними же, дорогая,
Отуманенные глазки.
Погляди, какъ все сіяетъ
И ликуетъ все надъ нами,
И высоко въ синемъ небѣ
Журавли плывутъ рядами.
Ты почувствуй, сколько свѣта,
Сколько звуковъ благодатныхъ,
Какъ душа полна восторговъ
И порывовъ непонятныхъ.
Мнѣ опять легко и вольно,
Я опять здоровъ душою
И, весною вдохновленный,
Я явился за тобою.
Сколько словъ тебѣ принесъ я,
Полныхъ сладкаго значенья,
Полныхъ страсти безконечной
И любви, и упоенья,
И весенней томной нѣги,
И живой, горячей ласки...
Подними же, дорогая,
Отуманенные глазки!

*
* *

Разучилось-ли сердце твое понимать
Сердце друга, любовью горящее,
Или прошлое ты начала забывать,
Или скучно тебѣ настоящее,—
Не пойму, дорогая, но чувствую я,
Что, какой-то мечтою гонимая,
Встрепенулась душа молодая твоя,
Словно клѣткою птичка томимая.
Я не стану тебя своимъ правомъ томить,—
Ни мольбы не услышишь, ни жалобы:
Не хочу я, чтобъ ты, переставши любить,
Къ своей цѣпи себя приковала-бы.
Если тянетъ тебя въ безконечную даль,
Покорись сердца зову всевластному,
И пройдетъ по душѣ облегченной печаль,
Словно облачко по небу ясному.
И забудь о покинутомъ другѣ твоємъ:
Онъ одинъ будетъ несть испытаніе,
И за счастье твое въ своемъ сердцѣ больномъ
Навсегда затанитъ онъ страданіе.

Кн. А. Кугушевъ.

---

*
* * *

Звѣзда скатилася... Крестись! Душа святая
На небо поднялась, вошла въ чертоги рая...
Не вѣришь ты? Зачѣмъ не вѣришь ты!... Давно
Когда-то вѣрили. Въ небесное окно
Тогда глядѣли внизъ къ намъ ангелы святые,
У рая дверь была,—то вѣдали иные,
Ходили въ эту дверь. Росли въ раю цвѣты.
На тронѣ золотомъ чудесной красоты
Сидѣлъ Господь, вокругъ Апостолы сидѣли,
И Серафимы пѣснь во славу Бога пѣли;
Подножіемъ Его тогда земля была...
И все исчезло, все... Теперь повсюду мгла!
Теперь одни, одни въ томлени безотрадномъ
Мы носимся съ землей въ пространствѣ непроглядномъ.
*Не знаемъ мы, гдѣ рай, не знаемъ мы, гдѣ Богъ;
На небо нѣтъ для насъ проложенныхъ дорогъ,*

КН. А. КУГУШЕВЪ.

Не смотря ангелы, умолкли Серафимы,
Апостолы ушли, святые намъ не зримы...
Изсякла на землѣ Божественная кровь,
И вѣра дѣтская и дѣтская любовь...

В. Ладыженскій.

ИЗЪ НЕОТОСЛАННАГО ПИСЬМА.

Зачѣмъ я вамъ пишу? Не правда-ли, смѣшно
Будить мечты, которымъ нѣтъ возврата?
Но ночь томить меня, стучась въ мое окно;
Такъ холодомъ душа моя объята,
Что вы простите мнѣ желанье поболтать
Хоть издали съ давно забытымъ другомъ...
Не бойтесь, о любви не стану я рыдать,—
Не ждите-жъ слезъ съ презрительнымъ испугомъ!
Любовь свободная—безъ рабства и цѣпей,
Гдѣ нищихъ нѣтъ и, значитъ, подаяній,—
Какъ сонъ, вы помните, 'жила въ душѣ моей,
И свѣтлый рой моихъ воспоминаній
Не долженъ васъ смутить. Я помню кроткій взоръ,
Вашъ милый взоръ, гдѣ я читалъ участие,
Да, ласково тогда звучавшій мнѣ укоръ
За то, что я не могъ повѣрить въ счастье.
Здѣ, вы не сердитесь? Не правда-ли, смѣшно

Встрѣчать теперь холодною улыбкой,
Что въ нѣдрахъ прошлаго безъ слезъ погребено,
Что, можетъ быть, признали вы ошибкой?
Мнѣ просто хочется сказать вамъ, что всегда,
Гдѣ-бъ ни былъ я, о васъ воспоминанья
Зовутъ меня къ труду, какъ путника звѣзда
Зоветъ опять на долгій путь скитанья,
И хочется сказать спасибо вамъ за все:
За счастья мигъ, блеснувшій предо мною,
За этотъ краткій мигъ, сознаніе мое
Зажегшій вновь надеждою святою.
За это прошлое—еще спасибо вамъ...
Я вамъ пишу, и сердцу легче стало,
И мысль моя летитъ къ далекимъ берегамъ,
Гдѣ, вѣроятно вы,—царицей бала.
И кстати ночь прошла. Надъ дремлющимъ селомъ
Разсвѣтъ встаетъ чуть видной полосой
И тѣни по степи расходятся кругомъ
Какой-то странной синевою.
Еще мгновенье—и яркій блескъ лучей
Зальетъ снѣга, алмазами усѣтъ,
И ночи скучный мракъ и боль въ душѣ моей
На цѣлый день властительно развѣтъ...

И онъ пришелъ ко мнѣ, желанный мой разсвѣтъ!
Мнѣ стыдно, что рука моя солгала:
Я знаю, безъ тебя мнѣ въ мірѣ счастья нѣтъ,
Мнѣ въ эту ночь лишь гордость диктовала
Слова намѣренно-небрежнаго письма,
И я имъ самъ не вѣрилъ ни мгновенья.
Жизнь безъ тебя пуста, какъ мрачная тюрьма,

В. ЛАДЫЖЕНСКИЙ.

Гдѣ каждый новый день—звено мученья...
Жить только для тебя, и жить тобой одной,
Дѣлиться всѣмъ, что жизнь-бы намъ послала,
И вмѣстѣ-бъ пошутить надъ ревностью-змѣей,
Которая мнѣ душу истерзала!
Прости мнѣ милая: я дольше лгать не могъ,
Мнѣ въ эту ночь такъ тягостно и больно,
Что тщетно я борюсь съ собой и — видеть Богъ—
Признанье вырвалось невольно.

НА РОДИНѢ.

Я приближался вновь къ полямъ моимъ роднымъ,
Я бросилъ повода, мой конь прибавилъ шагу...
Вонъ—церковь бѣлая съ крестомъ своимъ святымъ,
Вотъ—бѣдное село ютится по оврагу.
Внизу синѣетъ прудъ. Надъ гладью сонныхъ водъ
Ветла объятія простерла одиноко.
Склонясь надъ прудомъ, садъ заброшенный цвѣтетъ,
И роща вдаль задумалась глубоко.
Просторъ и тишина. Въ душѣ—опять покой;
Стихаетъ гнѣвный споръ мучительныхъ сомнѣній,
Воспоминанія—такъ полны стариной
И дѣтства чистаго забытыхъ вдохновеній,
Что, кажется, сейчасъ я въ рощу убѣгу,
И въ шелестъ дубовъ причудливую сказку
Услышу снова я, и лягу на лугу,
И встрѣчу вѣтерка задумчивую ласку.
Потомъ—въ старинный домъ, теперь давно пустой,

Пойду я радостный и, встрѣченный любовью,
Усну я тихимъ сномъ, и грезы надо мной,
Сплетаюсь въ хороводъ, приникнуть къ изголовью...
Возможность счастья я сердцемъ вновь постигъ
И чувства разбудилъ давно въ душѣ нѣмая.
Пусть это только мигъ—за этотъ свѣтлый мигъ
Спасибо вамъ, поля мои родныя!

Х НЯНЪ.

Люблю я вечеромъ, измученный тоской,
Въ твой уголокъ зайти, голубка дорогая,
И въ смыслъ рѣчей твоихъ, печальный и простой,
Какъ въ дѣтствѣ проникать, отъ горя отдыхая.
Невозмутимая, святая тишина,
Какъ вѣрный стражъ, хранить покой уединенный
И на тебя глядить такъ кротко съ полотна
Прекрасный ликъ Христа, лампадой озаренный.
Обычный свой чулокъ ты вяжешь какъ всегда,
И въ старческихъ рукахъ мелькаютъ быстро спицы,
А на челѣ бѣгутъ и таютъ безъ слѣда

Воспоминаній вереницы.

О чемъ они? Какъ знать! О прошлыхъ-ли годахъ,
Когда въ тебѣ ключемъ кипѣлъ избытокъ силы,
Иль о друзьяхъ, чей дорогой, чей милый прахъ
Безмолвно стерегутъ угрюмыя могилы?
Да, много, много ихъ! Тѣснѣе съ каждымъ днемъ
Онѣ росли кругомъ, оплаканы тобою,

В. ЛАДЫЖЕНСКІЙ.

На жизненномъ пути остались мы вдвоемъ
Другъ другу близкіе, и съ кроткою слезою—
Лишь только я уйду—молиться за меня,
Я знаю, будешь ты, голубка дорогая,
Пока въ окно разсвѣтъ ликующаго дня
Не брызнетъ, золотомъ играя...

В. Лебедевъ.

Скуй мнѣ сердце, кузнецъ! На огнѣ раскали
И сѣдое желѣзо, и красную мѣдь,
Но недолго въ жару, въ искрометной пыли
Оставляй этотъ сплавъ пламенѣть!
Скуй мнѣ сердце, кузнецъ! Подъ стальнымъ молоткомъ
Пусть дрожитъ и гудитъ наковальня твоя,
Пусть скорѣй отлетаетъ прощальнымъ огнемъ
Жгучихъ искръ золотая струя!
О, гони ихъ, кузнецъ—эти искры гони!
Пусть остынетъ желѣза горячая гладь...
Наше сердце, кузнецъ, въ эти хмурые дни
Не должно ни любить, ни пылать!

СФИНКСЪ НАДЪ НЕВОЙ.

Суровый сфинксъ, дитя Востока,
Товарищъ вѣчныхъ пирамидъ,

О чемъ-то думая глубоко,
Прилегъ на сѣверный гранитъ;
Прилегъ и замеръ... Снѣжный пологъ
Его закрылъ, его занесъ,
И сонъ его безмолвно-долго,
Исполненъ образовъ и грезъ.

И видитъ жаркій онъ Египетъ:
Пустыня... бродитъ караванъ...
Запасъ воды до капли выпить...
Кругомъ удушливый туманъ...
А дальше—зелень... Пышно выросъ
Въ степи оазисъ; бьетъ ручей
И млѣетъ дѣвственный папирусъ
Подъ лаской солнечныхъ лучей...
Сіяетъ храмъ... Въ рѣзныя окна
Вѣками созданныхъ громадъ
Куреній синія волокна
Въ лазурь горячую летятъ.
Жрецы поютъ... Подъ звукъ моленій,
Въ нарядъ безцѣнный облаченъ,
Передъ святынею колѣни
Склонилъ надменный фараонъ...
И сфинксъ, камнями украшенъ,
Душистымъ лотосомъ обвить,
На старый храмъ, на стѣны башенъ
Съ улыбкой радостной глядитъ.

Морозна ночь... Бушуетъ вьюга...
Одинъ, подъ снѣжной пеленой,
Про край родной, про солнце юга

В. ЛЕБЕДЕВЪ.

Онъ полонъ грустною мечтой.
Онъ слышитъ вздохи и моленья,
Онъ снова богъ, и передъ нимъ
Звучать былыя пѣснопѣнья,
Волнуя трепетомъ былымъ.

ГИТАНА.

—«Дитя мое, красивъ мой замокъ
И цѣнной утварью богатъ;
Изъ золотыхъ тяжелыхъ рамокъ
Портреты прадѣдовъ глядятъ.
У алтаря моей капеллы
Съ огнемъ лампы заодно
Слилися дня косыя стрѣлы
Сквозь разноцвѣтное окно...
Тамъ отрекись отъ царства мрака—
И намъ ученый духовникъ
Скрѣпитъ молитвой узы брака,
Священный текстъ прочтетъ изъ книгъ»...

Но беззаботна и румяна
Гидальго блѣдному въ отвѣтъ
Играла смуглая гитана
Гремучей парой кастаньетъ.

—«Я—молода, люблю я зелень,
Поля, лѣса, живу рѣчь,
А ты—мадоннъ въ дыму моленъ
За огоньками красныхъ свѣчъ.

Я—весела, ты—хмуришь брови,
Ревнуешь къ танцамъ и къ цвѣтамъ,
Любя съ проклятьемъ наготовѣ,
Любя со злобой пополамъ...
— Нѣтъ!..»

И съ подругой смуглолицей
Она ушла. Подъ звонъ гитаръ
Пестро-одѣтой вереницей
За ней сомкнулись звеня паръ.

Онъ прочь идетъ въ безмолвной мукѣ...
Храмъ передъ нимъ. Загълъ органъ,
Сѣдой монахъ, простерши руки,
Благословилъ толпу мірянъ...
Но задыхаяся въ соборѣ,
Отъ нишъ, распятій и мадоннъ
Туда, гдѣ бьетъ и пѣнитъ море,
Свой жгучій бредъ уносить онъ.

Разсвѣтъ насталъ. Къ далекимъ скаламъ,
Полурасщеплень, одинокъ,
Съ разбитымъ въ брызги бѣлымъ валомъ
Плылъ безъ гребца пустой челнокъ...
И долго мелодично-звонки
Сѣдые гребни вслѣдъ за нимъ
Перекликались въ вѣчной гонкѣ,
Одинъ вставая за другимъ...

* *
* *

Тишина! тишина! Мутный сумракъ зимы
Плачетъ мутными каплями талаго льда,
И луна не глядитъ изъ тоскующей тьмы,
И серебряной искрой не блещетъ звѣзда...

Домъ безмолвенъ и пустъ, и нигдѣ огонькомъ
Запоздалой свѣчи не сіяетъ окно,—
Словно небо съ землею сговорились тайкомъ
Съ этой спящею ночью заснуть заодно...

Память! память! окончи унылый рассказъ!
Не пугай, не гони благодатнаго сна—
Пусть повѣсть—пахнетъ въ этотъ сумрачный часъ
И на сердце мое тишина, тишина!..

---

* *
* *

Сонъ—не сонъ, а небылица,
Въявь творятся чудеса!
Поѣздъ, говоръ...—и столица
Исчезаетъ въ полчаса.

Вмѣсто гула, вмѣсто свѣта,
Впереди—поля, поля...
Снѣжнымъ пологомъ одѣта,
Спитъ безмолвная земля.

Только поѣздъ мчится съ громомъ,
Да огни, блестя кой-гдѣ,
Говорять о незнакомомъ
Тихомъ счастьѣ и трудѣ...

Конченъ путь и мы ликуемъ...
Домикъ спитъ, трещать дрова,
И мѣшаютъ поцѣлуямъ
Только нѣжныя слова...

---

*
* *
*

Я бросаю перо, я встаю отъ бумаги
И скорѣй задуваю свѣчу:—
Сила есть для борьбы—нѣтъ для пѣсенъ отваги,
А рыдать я въ стихахъ не хочу!

Не хочу собирать я въ мгновенія скорби
То слезу, то пожатыя руки,
И беречь подаянья, какъ въ нищенской торбѣ
Черствый хлѣбъ берегутъ бѣдняки...

И при мысли одной я горю и краснѣю!..
Врагъ упоренъ, но врагъ по плечу:
Встрѣчу скорбь я безъ пѣсенъ, измучаюсь съ нею,
Но рыдать я въ стихахъ не хочу!

А. Ленцевичъ.

НА ВЕРШИНАХЪ.

Стынетъ воздухъ—и влагой туманы кропятъ
Опустѣвшія къ ночи дороги.
Свечерѣло... Засни... До разсвѣта не спать
Лишь одни повелители боги.
Разостлавши кругомъ олимпійскую тѣнь,
У себя во дворцахъ и на тронахъ
Зажигаютъ они перламутровый день
И садятся въ узорныхъ коронахъ.
Искрометный шатеръ надъ ложницею боговъ...
Окаймленные дымкой тумана,
Ихъ одежды свѣтлѣй бѣлотканыхъ снѣговъ
И серебряныхъ волнъ океана...
Полетѣть-бы туда, за границу небесъ,
Въ голубую надзвѣздную сферу!
Тамъ киваетъ богинямъ украдкой Зевесъ,
Чуть косясь на ревнивую Геру;

Тамъ зоветъ Афродиту красавецъ Арей,
Щеголя наряднымъ доспѣхомъ, —
И проказникъ Эротъ за шатромъ, у дверей
Заливается радостнымъ смѣхомъ;
Тамъ аккорды звучатъ,—и богиня Зари
Нѣжно вторитъ румяному Фебу...

...А внизу, на землѣ—поднялись алтари,
Закурились и молятся небу:
Θиміамы легли по росистымъ лугамъ,
Ароматы плывутъ по дубравамъ!..

.....
О! Кому-жъ, какъ не имъ, властелинамъ богамъ,
Наслаждаться божественнымъ правомъ!..

М. Лохвицкая.

---

*
* * *

Если-бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ мой пѣвучей стрѣлой,
И живой или мертвый, а былъ-бы онъ мой!

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала и упилась дыханьемъ его!

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустила на дно,
На рукѣ у меня заблестало-бъ оно!

М. ЛОХВИЦКАЯ.

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоємъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла на вѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

А. Лукьяновъ.

---

* * *

Любишь?... Темныя рѣсницы
У тебя блестятъ слезой...
Я и солнце, садъ и птицы —
Всѣ любимся тобой.

Чувства свѣтлаго не скроемъ,—
Подыми на друга взгляды...
«Любить, любить!»—птицы роємъ
За тебя мнѣ говорятъ.

---

* * *

Звѣзда вечерняя зажглася за окномъ,
Улыбкой озаривъ взволнованную душу,
Ты на рукахъ моихъ забылась нѣжнымъ сномъ...
Спи сладко, милая, твой сонъ я не нарушу!

А. ЛУКЪЯНОВЪ.

Мы смолкли... Но сердца умолкнуть не могли—
Слилися въ говорѣ влюбленномъ и ревнивомъ...
А робкая звѣзда колеблется вдали,
И намъ завидуетъ на небѣ молчаливомъ.

К. Льдовъ.

---

* * *

Блѣднѣютъ полночныя тѣни;
Я въ комнату тихо вошелъ...
Букетъ изъ лиловой сирени
Поставилъ мнѣ кто-то на столъ.

Вокругъ все полно ароматомъ
Весеннихъ, душистыхъ цвѣтовъ,—
И въ сердцѣ, волненьемъ объятomъ,
Слагается пѣсня безъ словъ.

Какой-то мелодіей дивной
Душа молодая полна,—
И слышится голосъ призывный,
И манить меня изъ окна...

Я знаю, ты спишь, дорогая,
Но слышится все-таки мнѣ,

К. ЛЬДОВЪ.

Какъ, имя мое называя,
Уста твои шепчуть во снѣ...

Во снѣ ты цвѣты мнѣ бросаешь,
Такъ сладко волнуется грудь,—
Ты нѣжно меня призываешь,
И хочешь меня оттолкнуть...

Томительно радостны грезы,
Ты вся—вдохновенье любви,
И льются счастливыя слезы,
На бѣлыя руки твои...

Но завтра, я знаю, сурово
Ты будешь себя упрекать,—
И къ вечеру влюбишься снова,
И утромъ разлюбишь опять!

---

* * *

Какъ пламя дальняго кадила,
Закатъ горѣлъ и догоралъ...
Ты равнодушно уходила,
Я изнывалъ, я умиралъ...

И догорѣлъ костеръ небесный,
И отзвучали струны дня,
И ты, какъ день, ушла прелестной
И странно чуждой для меня...

К. ЛЬДОВЪ.

Зажгутся вновь огни заката
И зорь прозрачныхъ янтари,
Лишь зорямъ счастья—нѣтъ возврата,
Ночамъ сердечнымъ—нѣтъ зари!..

---

* * *

Дремлетъ міръ окутанъ дымкой,
Подъ покровомъ голубымъ...
Пролетаютъ невидимкой
Сонмы ангеловъ надъ нимъ.

Недоступны грѣшнымъ взорамъ,
Безъ начала, безъ конца,
Славословятъ дивнымъ хоромъ
Вседержителя Творца.

Но порой, сквозь дымку ночи,
Изъ низинъ, гдѣ люди спятъ,
Чьи-то пламенные очи
Вопросительно глядятъ.

Чья-то пѣсня неземная
О скорбяхъ поетъ земныхъ,—
И смолкаютъ, ей внимая,
Сонмы ангеловъ святыхъ.

---

* * *

Городъ полуночной грезой объять;
Точно дыханіе спящей земли,
Струны воздушныя тихо звенять
Гдѣ-то вдали...
Точно въ аккордъ мелодичный слились
Отзвуки въ вѣчность ушедшаго дня...
Кто-то мнѣ шепчетъ, какъ будто: «молись
Другъ за меня.
Я истомился въ чаду суеты,
Скинуть не въ силахъ я бремя заботъ,
Скорбь тяжелѣе могильной плиты
Сердце гнететъ.
День пережитый прошелъ безъ слѣда,
Нечѣмъ въ могилѣ его помянуть...
Больно безъ милаго сердцу труда
Жить какъ-нибудь.
Плакать—нѣтъ слезъ, и молиться—нѣтъ словъ...
Другъ, если можешь, поплачь за меня,
И помяни на молитвѣ рабовъ
Празднаго дня!»

---

* * *

Я долго ждалъ въ любви, какъ въ пѣснѣ, окончанья,
Но содрогнулся я, очнувшись одинокъ...
Такъ, хоть и ждешь звонка задолго до свиданья,
Но все-таки вздрогнешь, услышавши звонокъ.

К. ЛЬДОВЪ.

Мы нашу пѣснь любви закончили такъ стройно
И не унизились до стона и слезы...
Такъ лѣтомъ въ жаркій день все тихо и спокойно,
Но дышетъ тишина порывами грозы.

Какъ близки мы еще, но если и случайно
Мы встрѣтимся съ тобой, опустимъ мы глаза...
Такъ прячется отъ всѣхъ застѣнчивая тайна,
И тайну выдаетъ нескромная слеза.

ВЪ БРЕДУ.

Что-же это?... Бредъ иль грезы?..
Въ полуснѣ иль наяву—
Кто-то мнѣ бросаетъ розы
И пахучую траву?...

Все цвѣты въ душистомъ сѣнѣ,
Все пахучіе цвѣты,—
Гроздья вянушей сирени
И поблекшей резеды.

Только розы сохранили
Тайну жизни въ стебелькахъ
И налетъ пунцовой пыли
На махровыхъ лепесткахъ...

Сколько ихъ!.. и кто бросаетъ
Этотъ дождь пунцовыхъ розъ,

К. ЛЬДОВЪ.

И въ тоскѣ на нихъ роняетъ
Капли искристыя слезъ?

Что-же это?.. Явь иль грезы?..
Бредъ недуга?.. Сонъ любви?..
И зачѣмъ всѣ эти розы
Точно смочены въ крови?..

И зачѣмъ въ душистомъ сѣнѣ
Столько вянущихъ цвѣтковъ—
Умирающей сирени,
Резеды и ноготковъ?..

---

* * *

Посмотри-ка, занавѣска
Точно выткана изъ блеска...
Что за мѣсяцъ! Что за ночь!..
Вонъ, надъ лѣсомъ, чуть бѣлѣя,
Вѣетъ облачко—точь въ точь
Серебристая камей
Съ блѣднымъ очеркомъ лица...
Вонъ, завѣтная аллея
Противъ нашего крыльца...
Какъ смѣшались свѣтъ и краски
Въ дымкѣ неба голубой!..
Звуковъ нѣтъ, но шепотъ сказки
Такъ и слышишь надъ собой...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Я помню бѣдный домъ въ уѣздномъ городкѣ...
Тому семнадцать лѣтъ, я жилъ недалеко,—
И часто, притаясь напротивъ низкихъ оконъ,
Слѣдилъ по вечерамъ, какъ въ мирномъ уголкѣ
Прозрачный гаснетъ день... Сквозь легкій тюль воло-
конъ,

Сплетенныхъ паукомъ въ затѣйливый узоръ,
Нерѣдко подмѣчалъ взволнованный мой взоръ
Головку дѣвочки, какъ уголь черный локонъ,
Спадавшій на плечо пушистою волной,
И глазки свѣтлые... И каждый разъ со мной
Бывалъ потомъ ознобъ, хотя я не былъ робокъ...
(Мнѣ десять стукнуло, добавлю между скобокъ!)
Сначала приписалъ я сырости ночной
Досадный мой недугъ,—досадный и смѣшной,
Какъ думалъ я тогда, но убѣдился вскорѣ,
Что ждетъ меня и днемъ такое-жъ точно горе.
Я, изъ правдивости, отъ васъ не утаю
Про эту выходку постыдную мою:
Пусть знаютъ всѣ о ней и о моемъ позорѣ.
Я съ книгою идти по улицѣ люблю
И на ходу читать... И, вотъ, однажды лѣтомъ
Увлекся какъ-то я излюбленнымъ поэтомъ
И, томикъ Пушкина передъ собой держа,
Тихонько къ дому брелъ. Почти у рубежа
Жилища моего, минуя палисадникъ,
Я гнѣвно поблѣднѣлъ: ударилъ въ книгу мячъ,—
И въ пыльную траву повергнуть «Мѣдный всадникъ»!

Досадно стало мнѣ. Вдругъ нѣжное «не плачь!»
 Мнѣ кто то прошепталъ. Я не успѣлъ очнуться,
 Какъ томикъ Пушкина, измятый и въ пыли,
 Двѣ ручки бѣлыя мнѣ робко поднесли.
 Сосѣдку я узналъ и, поспѣшивъ надуться,
 Схватилъ упавшій мячъ и нервною рукой
 Откинулъ далеко,—и убѣжалъ домой.
 Не знаю почему, но мнѣ потомъ казалось,
 Что дѣвочку смутилъ побѣгъ неожиданный мой
 И что она во слѣдъ какъ будто засмѣялась...
 А у меня въ тотъ день такъ больно сердце сжалось,
 Что я забился въ садъ и плакалъ, и обѣдъ
 Впервые пропустилъ, впервые въ десять лѣтъ!..
 Но, чуть затмился день, я притаился снова
 Насупротивъ окна обидчицы моей.
 Озарена свѣчей, средь сумрака ночнаго
 Казалась она прелестнѣе, бѣлѣй
 Цвѣтущей лиліи. Не слышалъ я ни слова,
 Но сразу угадалъ, что рѣчь ея звучитъ
 Насмѣшкой легкою... Должно быть, говоритъ
 Она объ утренней смѣшной моей продѣлкѣ...
 И злобно я взглянулъ на блѣдныя тарелки,
 На грузный самоваръ, сіявшій на столѣ,
 На блондовый чепецъ и банты на челѣ
 Старушки сморщенной. Она разсказу внучки
 Внимала весело... Но вотъ ужъ допить чай,
 И дѣвочка, молясь, сложила кротко ручки,
 И, на колѣни вставъ, взглянула невзначай,
 Въ закрытое окно. Я взоръ ея невинный
 Случайно уловилъ и вмѣстѣ съ нею сталъ
 Молиться Господу, и головой повинной

Въ раскаяньи поникъ, и какъ-то вдругъ созналъ
Свою неправоту...

Ворочался въ постели

Я долго въ эту ночь, не въ силахъ глазъ сомкнуть,—

То будто ширилась взволнованная грудь,

То жаръ меня томилъ, то ноги холодѣли.

Такъ дни за днями шли, слагаясь въ недѣли,

И осень близилась,—печальная пора...

Промчался рядъ годовъ, а мнится лишь вчера

Простился съ дѣтствомъ я и пережилъ разлуку

Со всѣмъ, что нѣжило въ младенчествѣ меня.

Сосѣдку я любилъ. Не проходило дня

Безъ встрѣчи у окна. Я шелъ туда на муку—

Смотрѣть на милую, отъ нѣжности рыдать

И думать трепетно: о, если бы хоть руку,

Хоть прядь ея волосъ къ устамъ своимъ прижать!..

Недаромъ полюбилъ я Пушкина читать,—

Я началъ жить умомъ и сердцемъ слишкомъ рано,

И приключенія наивнаго романа

Стихами записалъ въ завѣтную тетрадь.

Она еще цѣла; я сохранилъ донинѣ

Къ ней странную любовь. Мнѣ кажется подчасъ,

Что истинную страсть извѣдалъ я лишь разъ—

Героємъ-мальчикомъ къ подростку-героинѣ.

Къ ней приближался я, какъ пилигримъ къ святынѣ,

И робко обожалъ, почти боготворилъ,

Стыдился самъ себя и страсть свою таилъ,

Не выдалъ никому ни словомъ, ни намекомъ...

И, много лѣтъ спустя на сѣверѣ далекомъ,

Въ столицѣ сумрачной, куда меня свезли

Заучивать языкъ невѣдомой земли,

К. ЛЬДОВЪ..

Нерѣдко вспоминалъ я съ тихою отрадой—
Уѣздный городокъ и домикъ за оградой,
Гдѣ пестрая герань и фуксіи цвѣли,
И ручки бѣлыя, и Пушкина въ пыли...

И. Лялечкинъ.

---

* * *

Незабудки, васильки,
Васильки и незабудки...
Жду я въ полѣ, у рѣки...
Нѣтъ и нѣтъ моей малютки!

Жду... О, Боже, какъ хорошъ
Этотъ кроткій вечеръ лѣта!
Золотится въ полѣ рожь,
Соловей рыдаетъ гдѣ-то.

Жду... И хочется рыдать
Самому мнѣ нѣжной пѣсней—
Той, чей взоръ цвѣтка прелестнѣй
Не видать, не видать!..

Время мчится... Жду опять...
Солнце медлитъ въ ожиданьи—

И. ЛЯЛЕЧКИНЪ.

Солнце хочетъ на прощанье
Русый локонъ цѣловать.

Ужъ давно погасъ востокъ...
Я томлюсь, я изнываю,
И, сорвавши василекъ,
Лепестки перебираю.

«Любить?..» «Нѣтъ?..»—и лепестки
Шепчутъ «да!»—а нѣтъ малютки!..
Незабудки, васильки,
Васильки и незабудки...

---

* * *

Прости! прости!.. дай ручку мнѣ, не бойся,—
Дай мнѣ ее пожать въ послѣдній разъ.
Я ухожу... не плачь и успокойся!
Мы навсегда разстанемся сейчасъ...

Ужъ разсвѣло... гребцы сидятъ у весель..
Поѣду я безъ цѣли и пути...
Не скажешь ты: зачѣмъ меня онъ бросилъ?
А я... я радъ, что ѣду я... прости!..

Не надо слезъ!.. зачѣмъ вздыхать уныло,
Когда такъ простъ и ясенъ твой отвѣтъ:
Вѣдь, ты сейчасъ еще мнѣ говорила
На всѣ мольбы и клятвы: «нѣтъ и нѣтъ».

И. ЛЯЛЕЧКИНЪ.

Не надо слезъ! онѣ мнѣ будутъ сниться
И тяжело мнѣ будетъ на пути;
А мнѣ назадъ къ тебѣ не возвратиться:—
Такъ рѣшено!... разстанемся... прости!

Ты молода, и ты еще не любишь,
Не долго ждать,—уѣду я—и что-жь?
Быть можетъ, ты другого приглубишь,
И безъ меня ты счастье найдешь.

Отри съ очей задумчивыя слезы,
И пожелай мнѣ добраго пути!..
Впередъ, впередъ, желанія и грезы!
Гребцы спѣшатъ... прости, мой другъ, прости!

В. Мазуркевичъ.

ТОРРЕАДОРЪ.

Померанцемъ и лимономъ
Пахнетъ въ воздухѣ ночномъ,
Звонъ гитары тихимъ стономъ
Раздается подъ окномъ.

«Скоро полночь... Спать Севилья,
«Въ окнахъ свѣтъ давно погасъ,
«Побесѣдуемъ, зорилля,
«Мы съ тобой въ послѣдній разъ.

«Завтра праздникъ: въ бой кровавый
«За любимый, жгучій взоръ,
«Облеченный прежней славой,
«Вступить твой торреадоръ.

«Да, онъ вступить безъ боязни,—
«Лишь за взглядъ твоихъ очей,—

«Въ этотъ циркъ, какъ къ мѣсту казни,
«Къ мѣсту славы прежнихъ дней.

«Помнишь раньше, какъ встрѣчала
«Выходъ мой толпа, и ты
«На арену мнѣ кидала
«Съ нею ленты и цвѣты,—

«А теперь?.. Цвѣтамъ на смѣну,—
«Какъ проходить быстро все!—
«Ты бросаешь на арену
«Сердце бѣдное мое.

«Что-жъ, прощай! Ты разлюбила—
«Въ этомъ Богъ тебѣ судья;
«Какъ умѣла, ты любила,—
«Какъ умѣю, гибну я!

«Бьетъ ужъ полночь... Въ бой послѣдній
«Выступаю скоро я...
«Въ воскресенье, у обѣдни,
«Помолися за меня!»

Л. Медвѣдевъ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Уходитъ день. Надъ гладью снѣжной
Ночные сумерки висятъ,
А въ небесахъ улыбкой нѣжной
Еще румянится закатъ.
Смѣется тихо лѣсъ далекій,
Весь залитъ свѣтомъ золотымъ;
Мой путь привольный, путь широкій,
Какъ океанъ, необозримъ.
Есть что-то бодрое въ природѣ,
Есть мощь въ глуши родныхъ полей,
И точно радуясь свободѣ,
Забилось сердце веселѣй!
Горятъ огни въ сугробахъ снѣга...
Морозить... Дышется легко...
Какъ хорошо, что до ночлега
И душевныхъ комнатъ далеко!

К. Медвѣдскій.

---

*
* * *

Лазурное небо, въ водѣ отражаясь,
Не такъ лучезарно, какъ въ выси безбрежной,—
Лазурь потемнѣла! и тонъ ея нѣжный
Здѣсь тономъ другимъ замѣнился, сгущаясь.

Въ очахъ твоихъ вижу души отраженъе,
Но въ сердцѣ моемъ не трепещетъ отрада:
Ей тѣсно,—ей мало глубокаго взгляда,
Чтобъ выразить каждый изгибъ и движенъе.

И очи твои я порой ненавиждѣль,
Когда въ нихъ гляждѣль, опьяненный мечтами,
О, если-бы душу я, душу увидѣль,
Какъ вижу лазурное небо надъ нами!

* * *

Серебряный камышъ серебряной рѣки
Серебрянымъ весломъ раздвинувъ осторожно,
Я двинулъ легкій челнъ...

Ни думы, ни тоски!

Какъ въ сердцѣ много силъ и счастье какъ воз-
можно!

Къ нему, далекому! Сквозь блескъ и сквозь туманъ
Помчимся, зыбкій слѣдъ на глади оставляя,
Туда, куда влечетъ серебряный обманъ,
Отъ неба до земли сіянье разливая...

---

* * *

Въ такую ночь я не могу уснуть.
Обвѣянный истомой и печалью,
Хотѣлъ бы я въ мечтаньяхъ утонуть,
Иль душу слить съ безбрежной этой далью.

Мнѣ чудится, что воздухъ напоенъ
Не ароматомъ травъ, но нѣгой и страстями,
Что слово лишь скажи—и огласится онъ
Безумными, влюбленными рѣчами.

Природа ждетъ, готовъ ея отвѣтъ...
Ждутъ небеса, долины и дубровы...
О, для чего тебя со мною нѣтъ?
Кому, кому скажу я это слово?..

---

* * *

Туда, гдѣ роща тихая стоитъ,
Въ струяхъ рѣки дробясь зеленой тѣнью,
Приду опять, томимый сладкой лѣнью,
И вновь весна со мной заговоритъ:

«Пусть жизнь твоя темна и одинока—
Съумѣй открыть лишь сердце и предъ нимъ
Въ мигъ станетъ близкимъ бывшее далеко,
А чуждый міръ—понятнымъ и роднымъ.

«Онъ твой, какъ ты—его. Вы чудно слиты,
На одиночество никто не осужденъ,
И радости отъ глазъ твоихъ сокрыты
Лишь потому, что ихъ смежаетъ сонъ.
«Проснись же!»

О, призывъ могучій, властный!
Я пробужденъ... какъ жизнь еще полна,
Какъ много силъ, какъ я имъ вѣрю страстно!
О, говори, красавица весна!..

М А Й.

Весело иду знакомою дорогой;
Небо лучезарно блещетъ надо мной.

К. МЕДВѢДСКІЙ.

Полонъ юный лѣсъ весеннею тревогой
И душа полна любовью и тоской.

Въ необъятномъ небѣ, ярко озаренномъ,
Точно разбѣгаясь, таютъ облака...
Въ сердцѣ обновленномъ, въ сердцѣ умиленномъ
Таетъ, умираетъ тихая тоска...

Д. Мережковскій.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СМЕРТЬ».

Строфа LXIII.

Кладите рельсы, шахты ройте,
Смирите ярость волнъ морскихъ,
Пустыни вѣчныя покройте
Сѣтями проволокъ стальныхъ,
И дерзко вѣшайте надъ бездной
Дугою легкой мостъ желѣзный,
Зажгите въ вашихъ городахъ
Молніеносныя лампы,—
Но если нѣтъ любви въ сердцахъ,
Ни въ чемъ не будетъ вамъ отрады!
Но если въ людяхъ Бога нѣтъ—
Настанетъ ночь, померкнетъ свѣтъ!..

ПЕРЕДЪ ЗАРЕЮ.

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій Востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.
Мы невѣдомое чуюмъ
И съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Мы, какъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра—это мы,
Наши гимны, наши стоны.
Мы для новой красоты
Нарушаемъ всѣ законы,
Преступаемъ всѣ черты.
Мы—соблазнъ неутоленныхъ,
Мы—посмѣшище людей,
Искра въ пеплѣ оскорбленныхъ
И потухшихъ алтарей.
Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ!

X ГОЛУБОЕ НЕБО.

Я людямъ чуждъ и мало вѣрю
Я добродѣтели земной:
Иною мѣрой жизнь я мѣрю,
Иной, безцѣльной красотой.
Я только вѣрю въ голубую,
Недосягаемую твердь,
Всегда единую, простую
И непонятную, какъ смерть.
Надъ всѣмъ, что любить и страдаетъ,
Дрожить, какъ листъ—въ дыханьи бурь,—
Улыбкой вѣчною сіяетъ
Неумолимая лазурь...
О, небо! дай мнѣ быть прекраснымъ,
Къ землѣ сходящимъ съ высоты,
И лучезарнымъ, и безстрастнымъ,
И всеобъемлющимъ, какъ ты!

ПАРКИ.

Будь, что будетъ,—все равно.
Парки дряхлыя, прядите
Жизни спутанныя нити.
Ты шуми, веретено!..

Все наскучило давно
Тремъ богинямъ, вѣщимъ пряхамъ:
Было прахомъ, будетъ прахомъ!
Ты шуми, веретено!..

Нити вѣчныя судьбы
Тянуть парки изъ кудели,
Безъ начала и безъ цѣли...
Не склоняють ихъ мольбы,

Не плѣняетъ красота:
Головой онѣ качають,
Правду горькую вѣщають
Ихъ поблеклыя уста...

Мы-же лгать обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабѣмъ сердцѣ челоуѣка—
Правда съ ложью сплетены.

Лишь уста открою,—лгу,
Я разсѣчь узловъ не смѣю,
А распутать не умѣю,
Покориться не могу!

Лгу, чтобъ вѣрить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую...
Пусть-же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цѣпи рабства и любви,
Все, предъ чѣмъ я полонъ страхомъ,
Разсѣкутъ единымъ взмахомъ,
Парка, ножницы твои!

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнуть въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ.

Это смерть—но безъ борьбы мучительной;
Эта смерть, плѣняющая красотой,
Объщаетъ отдыхъ упоительный—
Лучшій даръ природы всеблаготворительной.

У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

---

* * *

Мы въ одной долинь о любви мечтали,
Чуждые другъ другу, полные печали.
Ночью звѣзды тѣ-же къ намъ въ окно глядѣли,
Мы внимали той-же соловьиной трели...
И слѣдя, какъ меркнуть на закатѣ горы,
Сколько разъ встрѣчались въ небѣ наши взоры.
И любви не зная, оба одиноки,
Были мы такъ близки,—близки и далеки.
Мы нашли другъ друга и, полны надежды,

Любимъ безпредѣльно, но зачѣмъ ты вѣжды
Грустно опустила, стала молчаливѣй?—
Развѣ въ этомъ мірѣ можно быть счастливѣй?
Понялъ я, родная: сердце хочетъ снова
Прежней тихой грусти, сумрака ночнаго,
Хочетъ звѣздъ, тѣхъ самыхъ, что въ окно глядѣли,
И давно умолкшей соловьиной трели...
Какъ о мертвомъ другѣ, съ нѣжностью во взорѣ
Въ эти дни блаженства ты грустишь о горѣ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ВОЗВРАЩЕНИЕ КЪ ПРИРОДѢ».

Пѣсня шута.

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя:
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогушая смерть, пролетая.
Смерть приходитъ къ шуту: «собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу».
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотить онъ Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьетъ, что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть, «ой, голубчикъ, постой!»
Но герой нашъ уняться не хочетъ,
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой,
И кричить, и безумно хохочетъ:

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смѣхъ всей душою любя,
Буду жить-поживать припѣвая:
Громъ побѣдъ отавучить, красота отпвѣтеть,
Но Дуракъ никогда и нигдѣ не умереть —
Но безсмертна лишь глупость людская!»

ИЗЪ ПОЭМЫ «СЕМЬЯ».

Проза любви.

О беззаботная, влюбленная чета!
Что можетъ быть милѣй? Вы думаете оба,
Что жизнь—какая то воздушная мечта,
Что будутъ соловьи вамъ пѣсни пѣть до гроба?
Но, вѣдь, придется же заказывать обѣдъ,
Съ какой бы высоты на жизнь вы ни взглянули,—
Не меньше страстныхъ клятвъ необходимъ буфетъ,
Бѣлье и утюги, лоханки и кастрюли—
Эмблемы вѣчныя супружеской любви.
Попробуйте пожить вдвоемъ,—увянуть розы,
Потухнетъ свѣтъ луны, умолкнутъ соловьи
Подъ дуновеніемъ неумолимой прозы...
Бывало, съ нѣжностью поникнувъ головой,
Шептала ты «люблю», когда звѣзда въ эфирѣ
Струила тихій свѣтъ, а нынѣ... Боже мой!..
«Куда дѣвался, рубль и пятьдесятъ четыре
Копѣйки?»—юная хозяйка говоритъ,
Надъ счетной книжкою принявъ серьезный видъ.
Увы! Таковъ нашъ міръ... Но хуже всякой прозы

Упреки въ ревности, домашняя война
 За первенство, за власть, и сены, крики, слезы:
 «Не хочешь ли гулять?» мнѣ говорить жена—
 «Я занятъ, не мѣшай!»—и мы не въ духѣ оба...
 Хандра, разстройство нервъ... Изъ этихъ пустяковъ
 Выходить глупый споръ: предлогъ уже готовъ;
 Въ душѣ холодная, мучительная злоба.
 И мнѣ чрезъ полчаса, какъ злѣйшему врагу,
 Жена въ отчаяньи кричитъ: «Меня ты губишь...
 Уйди... Оставь!.. Я жить съ тобою не могу!..»
 А я въ отвѣтъ: «Теперь я знаю: ты не любишь!»
 И грубые слова, и хлопанье дверей...
 А Булька сѣрая, любимый мопсъ, межъ нами
 Въ тревогѣ бѣгаетъ, какъ между двухъ огней,
 И смотритъ умными, печальными глазами.
 Не правда-ль, ты женѣ весь міръ отдать готовъ,
 А кресла мягкаго иль книги не уступишь;
 Ей счастье на землѣ цѣною жизни купишь,
 А не простишь двухъ, трехъ пустыхъ, обидныхъ словъ.
 Но тяжелѣй всего—болѣзнь: какая мука,
 Едва замѣтивъ жаръ, въ тревогѣ пульсъ считать,
 Способность потерявъ работать и читать,
 И думать. А въ душѣ—томительная скука...
 Поставишь градусникъ и страшно заглянуть
 На цифру, и слѣдишь, тревогою объятый,
 Веселымъ притворясь, какъ медленная ртуть
 Все подымается, и отъ одной десятой
 Проклятыхъ градусовъ—я чувствую порой—
 Зависитъ жизнь моя, и счастье, и покой...
О, какъ вы далеки таинственные встрѣчи
И первая любовь, и безотчетный страхъ,

Признание робкое въ потупленныхъ очахъ,
И торопливыя, взволнованныя рѣчи!..
Вы не вернетесь вновь: простите навсегда!
Но какъ ни дороги утраченныя грезы,
Я знаю: въ пошлости, среди житейской прозы
И будничныхъ заботъ, и скучнаго труда—
Все крѣпче съ каждымъ днемъ, все глубже и сильнѣе
Моя печальная, спокойная любовь:
Нѣтъ, я бы не хотѣлъ, чтобъ сдѣлалась ты вновь
Такою, какъ была: ты мнѣ еще милѣ!
Теперь—предъ силою любви моей простой,
Предъ этой жалостью другъ къ другу безконечной—
Намъ кажется почти ребяческой игрой
Тотъ первый сонъ любви неопытной, безпечной!..

ПѢСНЬ БАЯДЕРЪ.

Онъ лежитъ подъ навѣсомъ пурпурнаго ложа,
Въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ вечернихъ огней;
Молодаго чела золотистая кожа
Оттѣняется мракомъ глубокихъ очей.
Смотрить Будда, какъ дѣвы проносятся въ пляскѣ
И вино изъ кувшиновъ серебряныхъ льютъ;
Вызывающій взоръ—полонъ огненной ласки;
Ударяя въ тимпанъ, баядеры поютъ.
И зовутъ онѣ къ радостямъ нѣги безпечной
Тѣхъ, кто молодъ, прекрасенъ, могучъ и богатъ.
Но, какъ звонъ погребальный, какъ стонъ беско-
нечный,

Переливы тимпановъ для Будды звучать:
«Все стремится къ разрушенью—
Всѣ міры и всѣ вѣка,
Словно близится къ паденью
Необъятная рѣка.
Все живое смерть погубить,
Все, что мило—смерть возъметь.
Кто любилъ тебя—разлюбить,
Радость призракомъ мелькнетъ.
Нѣтъ спасенья! Слава, счастье,
И любовь, и красота
Исчезаютъ, какъ въ ненастье—
Яркой радуги цвѣта.
Духъ безумно къ небу рвется,
Плоть прикована къ землѣ;
Какъ пчела—въ сосудѣ, бьется
Человѣкъ въ глубокой мглѣ!»

Передъ ложемъ царя баядеры плясали;
Но для Будды звучалъ тотъ-же грустный напѣвъ
Въ этихъ гимнахъ, что жизнь и любовь прославляли,
Въ тихой музыкѣ струнъ, въ нѣжномъ голосѣ дѣвъ:
«Въ цвѣтѣ жизни, въ блескѣ счастья
Вкругъ тебя—толпы друзей.
Сколько мнимаго участья,
Сколько ласковыхъ рѣчей!
Но дохнетъ лишь старость злая,
Розы юности губя,
И друзья, какъ волчья стая,
Къ новой жертвѣ убѣгая,
Отшатнутся отъ тебя.
Ты, отверженный богами,

Будешь нищъ и одинокъ,
Какъ покинутый стадами,
Солнцемъ выжженный потокъ.
Словно дерево въ пустынь,
Опаленное грозой,
Въ поздней, старческой кручинѣ
Ты поникнешь головой.
И погрязнешь ты въ заботѣ,
Въ тинѣ мелочныхъ обидъ,
Словно дряхлый слонъ въ болотѣ,
Всѣми брошенъ и забытъ.
Что намъ дѣлать? Страсти, горе
Губятъ тысячи людей,
Какъ пожаръ—траву степей,
И печаль растеть, какъ море!
Что намъ дѣлать? Меркнетъ умъ,
И толпимся мы безъ цѣли—
Такъ испуганныхъ газелей
Гонить огненный самумъ!»

Баядеры поютъ про надежды и счастье,
Но напрасно тимпаны и лютни гремятъ;
Какъ рыдающій вѣтеръ въ ночное ненастье,
Пѣсни, полныя жизни, для Будды звучатъ:
«Близокъ страшный день возмездья:
Задрожитъ земля и твердь,
И потушитъ всѣ созвѣзды
Торжествующая смерть.
Миръ исчезнетъ, какъ зарница
Въ полуночныхъ небесахъ;
Все, что есть, намъ только снится,
Вся природа—дымъ и прахъ!»

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

Наши радости—мгновенны,
Какъ обманчивые сны,
Какъ въ пучинѣ брызги пѣны,
Какъ надъ моремъ блескъ луны.
Всѣ желанія, какъ сѣти,
Какъ свѣча для мотыльковъ:
Мы кидаемся, какъ дѣти,
За видѣньемъ лживыхъ словъ.
Страсти, нѣга, наслажденья—
Никому и никогда
Не приносятъ утolenья,
Какъ соленая вода...
Что намъ дѣлать? Гдѣ—спаситель?
Какъ защитника найти?
Бодизатва-Утѣшитель!
Пробилъ часъ,—пора идти!
Въ этотъ пламень необъятный
Мукъ, желаній и страстей
Ты, какъ ливень благодатный,
Слезы жалости пролей!..»

.....

Н. Минскій.

---

* * *

Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей.
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей

И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова,
Рукой невѣдомой сотрутся.

И ужъ не тѣ слова подъ тою же рукой—
Далеко отъ земли, застывшей и нѣмой—
Возникнуть вновь загадкой блѣдной.
И снова свѣтъ блеснетъ, чтобъ стать добычей тьмы,
И кто то будетъ жить не такъ, какъ жили мы,
Но такъ, какъ мы, умереть безслѣдно.

И невозможно намъ предвидѣть и понять,
Въ какія формы Духъ одѣнется опять,
Въ какихъ созданьяхъ воплотится.

Быть можетъ, изъ всего, что будить въ насъ любовь,
На той звѣздѣ ничто не повторится вновь...

Но есть одно, что повторится.

Лишь то, что мы теперь считаемъ празднымъ сномъ—
Тоска неясная о чемъ то неземномъ,

Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святынь, которыхъ нѣтъ,—
Одно лишь это чуждо тлѣнья...

Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь обла-
ковъ,

Какія-бъ существа ни жили,—
Но будутъ рваться вдаль они, подобно намъ,
Изъ праха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили.

И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,
Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,
Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью, безцѣльною, какъ сонъ,
Предъ кѣмъ толпы людей—такой же прахъ, какъ
онъ—
Благоговѣли иль дрожали.

Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ земли.
Какой то новый міръ мерещился вдали—
Несуществующій и вѣчный,
Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,

Н. МИНСКИЙ.

Что силой жажды самъ миражъ себя создалъ
Среди пустыни безконечной.

СОНЕТЫ.

1. Истина и красота.

Еще я, опытомъ досель не охлажденный,
Надѣюсь идеаль увидѣть красоты.
Къ знакомству-ль новому готовлюсь я, смущенный,
Вступаю-ли въ чертогъ, искусству посвященный,
Гдѣ страстью длящейся оживлены холсты;
Творенья новаго вскрываю-ль я листы,—
Всегда надеждою и страхомъ окрыленный,
Я жду: вотъ, наконецъ, исполнятся мечты!
Но чуть лишь красота возникнетъ предо мною,
Ужъ голосъ истины злорадною хулою
Мрачить ея черты и видить торжество
Въ несовершенствѣ ихъ. И сердцемъ по-неволѣ
Я радъ его хулѣ,—быть можетъ, оттого,
Что, идеаль узрѣвъ, не могъ-бы жить я болѣ.

---

2. Любовь къ ближнему.

«Любить другихъ, какъ самого себя»...
Но самъ себя презрѣнъемъ я караю.
Какой-то сонъ божественный любя,
Въ себя и ложь, и правду презираю.

И если человѣка я любилъ,
То лишь въ надеждѣ смутной и чудесной
Найти въ другомъ лучъ истины небесной,
Невинность сердца, мыслей чистыхъ пыль.

Но каждый разъ, очнувшись отъ мечтаній,
Въ чужой душѣ все глубже и яснѣй
Я прозрѣвалъ клеймо своихъ страстей,
Свою-же ложь, позоръ своихъ страданій.

И всѣхъ людей, равно за всѣхъ скорбя,
Я не люблю, какъ самого себя.

---

3. Метемпсихозъ.

Вся жизнь моя—великій смутный сонъ.
Нѣтъ для меня вещей и мѣстъ завѣтныхъ,
Не помню формъ, ни чиселъ, ни именъ,
И не считаю труповъ безотвѣтныхъ.

Подъ солнцемъ, гдѣ не связанъ я ни съ чѣмъ,
Не знаю ни отчизны, ни чужбины.
И если міръ люблю я, то не съ тѣмъ,
Чтобъ возсоздать въ словахъ его картины.

Но я люблю, какъ дервишъ въ забыты,
Подъ шумъ лѣсовъ иль моря гулъ священный,
Внимать душой часовъ полетъ забвенный.

Мнѣ сладко смерть при жизни обрѣсти,
И чуждый міръ и духъ свой безпріютный
Слить въ сонъ одинъ—великій сонъ и смутный.

---

* * *

На родинѣ теперь встрѣчаютъ праздникъ чудный:
Пустынны улицы и храмы многолюдны;
Всѣ молятся и ждутъ,—и вотъ она сошла—
Торжественная пѣснь. Гудятъ колокола,
И слитный благовѣстъ уноситъ гимнъ воскресный
И въ тишину полей, и въ темный сводъ небесный;
Въ природѣ и въ сердцахъ весну онъ разбудилъ,—
И Галилеянинъ еще разъ побѣдилъ.

Тоской по родинѣ, ребенка безутѣшнѣй,
Сегодня ты полна. Вся прелесть ночи здѣшней—
Заливъ, чуть плещущій о сонный край земли,
Огни Неаполя, горящіе вдали,
Лимонныхъ рошъ кругомъ цвѣтущее дыханье
И южныхъ близкихъ звѣздъ горячее мерцанье
Тебя не веселятъ. Весь этотъ край чудесъ
Ты отдала бъ за возгласъ, что воскресъ
Изъ мертвыхъ кроткій Богъ, смерть смертію поправшій,
За возгласъ, дѣтскій слухъ такъ нѣжно волновавшій.
Я вижу скорбь твою—молчать мои уста...
Увы, въ моей душѣ богъ умеръ навсегда.

Но если Богъ есть то, что міръ зоветъ любовью;
То чувство, что теперь всѣ предаютъ злословью,

И самъ я нѣкогда, безумный, предавалъ,
Влачилъ въ грязи страстей, казнилъ и распиналъ,
Еще не зная тебя, въ дни юности порочной,—
Тогда, мой другъ, повѣрь, что въ этотъ часъ пол-
ночный

Никто-бъ такъ искренно, какъ я сказать не могъ:
«Воскресъ, воистину воскресъ умершій Богъ!»

---

* * *

Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.
Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ,
Любовь и скорбь одно и то же,
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.

СЕРЕНАДА.

Тянутся по небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ:
Плача, деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.

Н. минскій.

Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.

Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.

Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.

Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.

Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ...

---

* * *

Маленькой, цвѣтущей розой мая
Нѣкогда любовь моя была.
Для тебя, подруга дорогая,
Эта роза нѣжная цвѣла.

Но цвѣтокъ, что въ сердцѣ я лелѣялъ,
Вихорь жизни скоро погубилъ.
Пыль его онъ по міру развѣялъ,
И съ тѣхъ поръ весь міръ я полюбилъ.

---

* * *

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи,

Н. МИНСКІЙ.

У ней не плакавшія очи
И не страдавшая душа.

А мнѣ, чья жизнь борьба и горе,
По ней томиться суждено...
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

ИЗЪ «БѢЛЫХЪ НОЧЕЙ».

Ночь третья.

Въ шумный досугъ, за работой нѣмою,
Въ тихую ночь и въ рокошущій день —
Вѣчно мелькаетъ, паритъ предо мною
Чья то воздушная тѣнь.

Кто она? Чья она? Добрая, блѣдная,
Съ ласковой скорбью на тонкихъ устахъ;
Свѣтитъ—лучится любовь всепобѣдная
Въ дѣвственно-скромныхъ глазахъ.

Всѣ мои думы, глубоко хранимыя,
Всякій порывъ сокровенныхъ страстей,
Тайны молитвъ моихъ, пѣсни любимыя —
Все это вѣдомо ей.

*Вѣчно мнѣ въ сердце глядитъ она, нѣжная...
Если покой въ этомъ сердцѣ царитъ,*

Н. МИНСКІЙ.

Кроткій покой и любовь безмятежная—
Взоръ ея счастьемъ горить.

Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стихъ превращается въ мечъ,
Плача, она надо мной наклоняется,
Шепчетъ мнѣ кроткую рѣчь...

Кто ты? Уйди, о подруга воздушная!
Въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?
Видишь: враговъ безпощадно-бездушная
Насъ обступила стѣна.

Полно шептать мнѣ слова бесполезныя!
Намъ безъ вражды невозможно любить,
Какъ невозможно оковы желѣзныя
Кроткой слезою разбить.

Дай ненавидѣть мнѣ! Въ битвѣ пылающей
Муки дай сѣять и муки принять!..
— Что-же ты снова глядишь умоляюще,
Что-же ты плачешь опять?..

С. Надсонъ.

ПОЭЗІЯ.

Нѣтъ, не ищи ея въ дыханіи цвѣтовъ,
Въ мерцаньи яркихъ звѣздъ полуночной порою,
Въ святыхъ словахъ молитвъ, въ тиши родныхъ лѣсовъ,
И въ пѣсняхъ соловья, гремящихъ за рѣкою...
Тамъ умерла она для черствыхъ нашихъ дней,
Прошло владычество безжизненной природы.
Поэзія теперь—поэзія скорбей,
Поэзія борьбы и мысли, и свободы.
Поэзія—въ стѣнахъ кипучихъ городовъ,
Поэзія въ трудѣ за лампою ночью...

.....

---

* * *

X Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой.

Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбить и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Вааль,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой!..

*
* * *

*очу я, мой другъ, чтобъ судьба намъ съ тобой
арила улыбки да розы,
и насъ обходили всегда стороной*

Роковыя житейскія грозы;
Чтобъ ни разу не сжалась тревогою грудь
И за мѣръ-бы не стало обидно...
Чѣмъ такую безцвѣтную жизнь помянуть?..
Да и жизнью назвать ее стыдно!..
Нашимъ счастьемъ пусть будетъ—несчастье вдвоемъ...
. . . . .

* * *

Упали волнистыя кудри на плечи,
Улыбка горитъ на лицѣ молодомъ,
И пылко звучать ея милыя рѣчи,
Звучать о любви и о счастья вдвоемъ.
Вокругъ такъ уютно... Луна къ намъ роняетъ
Сквозь зелень черемухъ стальные лучи,
Въ окно залетѣлъ мотылекъ—и мелькаетъ,
Кружась надъ сіяньемъ дрожащей свѣчи.
А я,—я на грудь къ ней припалъ головою,
Я блѣдныя ручки цѣлую, любя,
И тоже мечтаю, объятый тоскою,
Но только мечтаю одинъ, про себя.

Она говоритъ: «День для честной работы,
А вечеромъ вмѣстѣ сойдемся мы вновь,—
Сойдемся, отгонимъ отъ сердца заботы,
И пусть намъ, какъ солнце, сіяетъ любовь.
При лампѣ, за нашимъ столомъ соберется
Кружокъ дорогихъ намъ, немногихъ друзей».

С. НАДСОНЪ.

Тутъ смѣхъ, тамъ запутанный споръ заведется,
Все весело, просто, безъ лжи и затѣй...
Всѣ братья, всѣ сестры! Часы, какъ мгновенья,
Безшумно несутся въ уютныхъ стѣнахъ...
Во взглядахъ довѣрье, въ рѣчахъ— оживленье,
И тихое счастье въ спокойныхъ сердцахъ.
А жизнь,—пусть она посылаетъ намъ грозы
Мы будемъ надъ ними смѣяться въ тиши!»
Наивныя, милыя, дѣтскія грезы:
Бредъ пылкой головки и юной души...

Ты просишь не мало, моя дорогая,
А я въ моихъ грезахъ, я счастья не жду,
Но мнѣ-бы хотѣлось лежать, умирая,
Въ безсильной истомѣ, въ жару и бреду,
Чтобъ съ мыслью затихли въ мозгу и сомнѣнья,
Затихъ и вопросъ неотступный: «къ чему»?..
Чтобъ два-три невѣрныхъ, сердечныхъ бѣнья,
И смерть унесла меня въ вѣчную тьму...
И въ это мгновенье хочу я, родная,
Чтобъ ты наклонилась на мигъ надо мной,
И кудри мои чтобъ, любя и лаская,
Съ чела отвела ты холодной рукой.
И рѣчь-бы твоя надо мною звучала,
Сіяли лазурныя очи твои,
И тихая смерть чтобъ меня укачала,
Какъ старая няня, подъ ласки любви!..

X —

* * *

Мнѣ снилось вечернее небо,
И крупныя звѣзды на немъ,
И блѣдно-зеленыя ивы
Надъ блѣдно-лазурнымъ прудомъ,
И весь утонувшій въ сирени
Твой домикъ, и ты у окна,
Вся въ бѣломъ, съ поникшей головкой,
Прекрасна, грустна и блѣдна...
Ты плакала... Свѣтлыя слезы
Катились изъ свѣтлыхъ очей,
И плакали гордыя розы,
И плакалъ въ кустахъ соловей;
И съ каждою новой слезою
Внизу, въ ароматномъ саду,
Мерцающій свѣтлякъ загорался,
И небо роняло звѣзду.

X У МОРЯ.

Такъ вотъ оно, море!.. Горитъ бирюзой,
Жемчужною пѣной сверкаетъ!..
На влажную отмель волна за волной
Тревожно и тяжело взбѣгаетъ...
Взгляни, онъ живетъ, этотъ зыбкій хрусталь,
Онъ стонетъ, грозитъ, негодуетъ!..
А даль-то какая!.. О, какъ эта даль

С. НАДСОНЪ.

Усталые взоры чаруетъ!..
Сынъ края мятелей, тумановъ и вьюгъ,
Сынъ хмурой и блѣдной природы,
Какъ пылко, какъ жадно я рвался на югъ,
Къ вамъ, мѣрно шумящія воды!..

. . . . .

НА КЛАДБИЩѢ.

На ближнемъ кладбищѣ я знаю уголокъ:
Свѣжѣ тамъ трава, не смятая шагами,
Роскошнѣй тѣнь отъ липъ, склонившихся въ кру-
жокъ,
И звонче пѣнье птицъ надъ старыми крестами;
Я часто тамъ брожу, пережидая зной...
Читаю надписи, грущу, когда взгрустнется,
Иль, лежа на травѣ, смотрю, какъ надо мной,
Мелькая сквозь листву прозрачной бѣлизной,
Куда-то облачко стремительно несется.
Сегодня крестъ одинъ склонился и упалъ;
Онъ падалъ медленно, за сучья задѣвая,
И подойдя къ нему, на немъ я прочиталъ:
«Спѣши,—я жду тебя, подруга дорогая!»
Должно быть, вешнѣй дождь вчера его подмылъ.
И я задумался съ невольною тоскою,
Задумался о томъ, чей прахъ онъ сторожилъ,
И кто гниетъ теперь подъ этою землею...
«Спѣши,—я жду тебя!»—Завѣтныя слова!..
шала-ль она загробный голосъ друга?..

Пришла-ль къ тебѣ на зовъ, иль все еще жива
Твоя любимая и нѣжная подруга?
Я имени ея не нахожу кругомъ...
Ты тлѣешь, окруженъ чужой тебѣ толпою,
Забытъ и одинокъ,—и ни однимъ вѣнкомъ
Ея любовь къ тебѣ не говоритъ съ тобою...
Жизнь увлекла ее въ водоворотъ страстей,
И жгучую печаль, какъ рану, исцѣлила,
И не придетъ она подъ тѣнь густыхъ вѣтвей
Поплакать надъ твоей размытою могилой,
И только этотъ крестъ, заботливой рукой
Поставленный тебѣ когда-то къ изголовью,
Храня съ минувшимъ связь, смѣется надъ тобой,
Надъ памятью людской и надъ людской любовью!..

---

* * *

Жалко стройныхъ кипарисовъ—
Какъ они зазеленѣли!—
Для чего, дитя, къ ихъ вѣткамъ
Привязала ты качели?
Не ломай душистыхъ вѣтокъ,
Отнеси качель къ обрыву,
На акацію густую
И на пыльную оливу:
Тамъ и море будетъ видно,
Чуть доска твоя качнется,
А оно тебѣ сквозь зелень
Въ блескѣ солнца засмѣется,
Съ бѣлымъ парусомъ въ туманѣ,

С. НАДСОНЪ.

Съ бѣлой чайкой, въ даль летящей,
Съ бѣлой пѣною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.

---

* * *

Тихая ночь въ жемчугъ росы нарядилась...
Спите, тревожныя думы, въ сердцѣ моемъ!..
Тихая ночь въ жемчугъ росы нарядилась...
Вотъ одинокая звѣздочка съ неба скатилась...
Въ темныхъ кустахъ дрогнула птица крыломъ...
Спите, тревожныя думы! Покоя, покоя!
Полосы луннаго свѣта лежать на пруду...
Спите, тревожныя думы!..
.....

СТРАНИЧКА ПРОШЛАГО.

(Изъ одною письма).

Вчера, старинный хламъ отъ скуки разбирая,
Я бѣгло перечелъ забытый мой дневникъ.
О дѣтство свѣтлое, о юность золотая,
Какъ показался свѣжъ мнѣ чудный вашъ языкъ!
Толпою поднялись знакомыя видѣнья,
И изъ поблекшихъ строкъ отрывочныхъ листовъ
Повѣяли мнѣ вновь былыя впечатлѣнья,
Раздался вновь аккордъ замолкшихъ голосовъ.

Я вспомнилъ и о Васъ. Мы цѣлыми годами
 Теперь не видимся: у Васъ своя семья,—
 А я,—я, какъ челнокъ, подхваченный волнами,
 Судьбою занесенъ въ далекіе края;
 Скитаюсь здѣсь и тамъ, безстрастно наблюдаю,
 Брожу у чуждыхъ скалъ, внемлю чужимъ волнамъ,
 И тихой грезой порою улетаю
 Подъ сѣнь родныхъ лѣсовъ, къ покинутымъ полямъ.
 Но что бы ни было, а я надѣюсь свято,
 Что счастье наконецъ столкнетъ насъ съ вами вновь.
 Вы такъ мнѣ дороги! Я отдалъ вамъ когда-то
 Впервые грудь мою согрѣвшую любовь...
 Въ тотъ годъ у васъ въ семьѣ я лѣто проводилъ.
 Вы только-что простясь со школьною скамьею,
 Дышали свѣжестью нерасточенныхъ силъ,
 Весельемъ юности и нѣжной красотой.
 Свѣтъ, этотъ душевный свѣтъ, съ тоской его баловъ,
 Съ моралью узкою и черствостью холодной,
 Не наложилъ еще стѣсняющихъ оковъ
 На вашъ душевный міръ, безпечный и свободный.
 Вы были веселы—безъ злости; хороши—
 Безъ вычурныхъ прикрасъ и милы—безъ кокетства;
 Поэзія едва проснувшейся души
 Соединялась въ васъ съ невѣдѣніемъ дѣтства;
 Но и тогда вашъ взглядъ нерѣдко поражалъ
 Въ минуты тихихъ думъ своею глубиною,
 А я—ребенкомъ былъ и тщательно искалъ
 Хоть признака усовъ надъ верхнею губою.
 Я жаждалъ ихъ для васъ! О, какъ я васъ любилъ,
 Какъ я завидовалъ мучительно и больно
 Всѣмъ, кто на васъ смотрѣлъ, кто съ вами говорилъ,

И съ кѣмъ встрѣчались вы иль вольно, иль невольно!
 Мнѣ живо помнится вашъ голосъ, смѣхъ грудной,
 Блескъ голубыхъ очей, рѣсницами прикрытый,
 Румянецъ нѣжныхъ щекъ и блѣдно-золотой
 Плѣнительный загаръ, поверхъ его разлитый...
 Какъ много я о нихъ элегій написалъ!
 Какъ много пышныхъ липъ въ аллеяхъ полутемныхъ
 Безъ сожалѣнія ножемъ я истерзалъ,
 Вашъ вензель вывода въ приливѣ грезъ влюбленныхъ!
 Но мысль—признаться вамъ иль робко поднести
 Плоды моихъ нѣмыхъ и тайныхъ вдохновеній,—
 Тогда и въ голову не смѣла мнѣ придти,—
 Такъ не рѣшительнъ и скромнѣе былъ мой геній...
 Въ тѣ дни охотнѣе о смерти я мечталъ,
 Но тщетно вдоль ручья я омутовъ искалъ,
 Вездѣ камня дна въ немъ явственно сквозили,
 А въ лѣтнія жары онъ такъ пересыхалъ,
 Что даже куры въ бродъ его переходили...
 А то иные сны мнѣ грезились порой:
 Какъ будто ночь вокругъ... угрюмо вѣтеръ злится...
 Нашъ домъ безмолвно спитъ, окутанъ темнотой...
 Все глухо, все мертво,—и только мнѣ не спится.
 Вдругъ голоса, шаги... Все ближе... въ дверь стучать...
 Дымятся факелы... ножи въ рукахъ сверкаютъ...
 Всѣ въ маскахъ бархатныхъ, всѣ шпорами гремятъ,
 И вотъ ужъ ворвались,—разятъ и убиваютъ!..
 Ихъ атаманъ, грозя желѣзною рукой,
 Схватилъ васъ за косу и «демонски» смѣется...
 Но... «о моя любовь! онъ здѣсь, защитникъ твой!»
 Ударъ... еще ударъ,—и врагъ ужъ не проснется!
 Потомъ... Но вамъ самимъ не трудно угадать

Всѣхъ этихъ ужасовъ счастливую развязку...
 Кто избѣжалъ изъ насъ страстишки превращать
 Порой свою судьбу въ трагическую сказку?..

Однако, день за днемъ спокойно уходилъ,
 А подвига свершить мнѣ все не удавалось...
 Ужъ августъ наступилъ и тихо золотилъ
 Поля, и садъ, и лѣсъ... Печально обнажалась
 Густая глушь его. Короче стали дни,
 По зорямъ надъ ручьемъ туманы колыхались,
 И падающихъ звѣздъ мгновенные огни
 Все чаще въ небесахъ, какъ искры, загорались...
 Угрюмая пора! Она вдвойнѣ тяжка
 Тому, кому грозятъ, какъ тѣсныя вериги,
 Въ бездушномъ городѣ всedневная тоска
 И школьной мудростью напичканныя книги...
 Однажды,—это былъ безцвѣтный, мутный день,—
 Я по саду бродилъ. Вдругъ предо мной мелькнула
 Полувоздушная, знакомая мнѣ тѣнь,
 И въ смутномъ сумракѣ бесѣдки потонула:
 То были вы,—да, вы!.. Я сразу васъ узналъ!..
 Васъ ждали... Въ шепотѣ привѣта разгадалъ
 Я скоро молодой, пѣвучій басъ сосѣда...
 Потомъ опять вашъ смѣхъ... Онъ обнялъ васъ рукой...
 Вотъ поцѣлуй звучить, за нимъ во слѣдъ другой,—
 И тихо полилась влюбленная бесѣда...

О, вѣрьте,—я ее подслушать не хотѣлъ!
 Но я былъ такъ смущенъ, что въ этотъ мигъ про-
 клятый

Не только двигаться,—но и дышать не смѣлъ,

Безмолвнымъ ужасомъ и горестью объятый.
 Онъ грустно говорилъ, что въ шумѣ городскомъ
 Вы позабудете его простыя рѣчи
 И въ этомъ уголкѣ, уютномъ и нѣмомъ,
 По теплымъ вечерамъ условенныя встрѣчи;
 Что вы—красавица, что впереди васъ ждутъ
 Толпы поклонниковъ и сотни наслажденій,—
 А онъ—бѣднякъ студентъ! Его дорога—трудъ,
 Его судьба—нужда, да тяжкій крестъ лишений...
 Вы въ вѣрности клялись,—онъ снова возражалъ,
 Потомъ надъ чѣмъ-то вдругъ вы оба разсмѣялись,
 Потомъ онъ обнялъ васъ, опять поцѣловалъ,
 Промолвилъ вамъ «прости», вздохнулъ,—и вы расста-
 лись...

Какъ этотъ страшный день тогда я дотянулъ,—
 Не помню... Кажется, я нагнулъ немало...
 Въ ушахъ моихъ стоялъ какой-то смутный гулъ,
 А сердце отъ тоски, какъ птица, трепетало.
 Я плакалъ, проклиналъ, хотѣлъ его убить,
 Потомъ себя убить, а вамъ письмо оставить,
 Въ которомъ я-бъ молилъ «простить и позабыть»
 И подавалъ совѣтъ «не лгать и не лукавить».
 И весь нелѣпый вздоръ романовъ прежнихъ дней,
 Смѣшавшись съ искреннимъ, вдругъ вспыхнувшимъ
 страданьемъ,

Забушевалъ въ груди обиженной моей
 И пищу далъ мольбамъ, упрекамъ и стенаньямъ...

За чаемъ, вечеромъ, мы встрѣтились. На васъ,
 Пунцовый отъ стыда, я долго не рѣшался
 Поднять заплаканныхъ и покраснѣвшихъ глазъ,

Потомъ взглянулъ на мигъ,—и громко разрыдался...
Пошли разспросы, шумъ: «не боленъ-ли?» «о чемъ?»
Вы съ милой ласкою воды мнѣ предлагали,—
Я успокоился, затихнулъ,—и потомъ
Мой взрывъ всѣ нервности согласно приписали.
Я имъ не возражалъ,—но долго я не могъ
Спокойно видѣть васъ, тоскуя втихомолку...
Къ несчастью, въ будущемъ суровый вашъ урокъ
Принесъ душѣ моей не очень много толку,
Но—это въ сторону...

Вотъ мой простой рассказъ.

Я былъ-бы радъ, когда-бъ повѣялъ онъ на васъ
Отрадой прошлаго...

Д. Павловъ.

ЖУРАВЛИ.

Желтѣть листь; туманы надъ долиной;
Сквозь сумракъ лучъ отрадный не блеснетъ...
Чу! Съ неба крикъ несется журавлиный.
На дальній югъ сегодня ихъ отлетѣть.

Гляжу наверхъ; слеза туманить взоры:
Унылый крикъ нашелъ въ душѣ отвѣтъ.
О, журавли, за море и за горы
На дальній югъ снесите мой привѣтъ!

Скажите имъ, благословеннымъ странамъ,
Что круглый годъ не вѣдаютъ зимы,
Какъ я томлюсь подъ сѣвернымъ туманомъ,
Какъ рвусь на свѣтъ изъ душной этой тьмы.

Скажите имъ, что сердцемъ и стихами
Я, какъ теперь, несусь нерѣдко къ нимъ...

Д. ПАВЛОВЪ.

О, журавли! Когда-бы могъ я съ вами
Сейчасъ летѣть къ предѣламъ дорогимъ!..

---

* * *

Пусть миновали они,
Благословенные дни,
Полные жизни и свѣта;
Пусть то былъ сонъ на-яву,
Но и теперь я живу
Памятью чуднаго лѣта.

Солнце-ли лѣтняго дня
Сладко пригрѣло меня,
Или ручей говорливый,
Быстро несущійся въ даль,
Въ сердцѣ разсѣялъ печаль
Пѣсней своей шаловливой?

Или неожиданная вновь
Въ душу закралась любовь?
Жду-ль на нее я отвѣта?
Счастье-ли снова зову?
Но и теперь я живу
Памятью чуднаго лѣта.

Н. Пановъ.

---

* * *

Грозно ходятъ тучи по небу,
Ночь угрюмая царить...
Обнимая дочь боярскую,
Парень тихо говорить:

«Я люблю, моя желанная,
Безъ ума тебя люблю,
И твою-то долю дѣвичью,
И свою-то погублю!»

Мы сходились-смѣялись,
Разстаемся во слезахъ...
Не пристойно-жъ сыну пахаря
Жить въ богатыхъ теремахъ!»

Отвѣчаетъ красна дѣвица:
«Не печалься, голубъ мой!»

Н. ПАНОВЪ.

Развѣ лучше жизнь боярская
Этой воли удалой?

Полно, молодецъ, кручиниться;
Утѣшеніе найду:
Я не робкая, я смѣлая,
За тобою я иду!»

Буря воетъ-заливается,
За волной волна встаетъ:
На широкое раздолье
Волга-рѣченька зоветъ!

П. Порфировъ.

РЕБЕНКУ.

Въ свѣтлый праздникъ—вешній праздникъ—
Я приду къ тебѣ съ зарей...
Спишь-ли, дѣтскихъ грезъ видѣнья
Поцѣлуй разсѣтъ мой.

«Полно спать... Христось воскресе!..»
Но, молчаніе храня,
Притаишься ты, какъ будто
И не слышала меня.

«Полно спать... Христось воскресе!..»
Жмуря глазки, какъ во снѣ,
Тщетно хочешь скрыть улыбку,
Мигъ,—и бросишься ко мнѣ.

Цѣловать меня ты станешь
И, цѣлуя, говорить:

«Да, Христосъ воскресъ... и—знаешь?—

«Онъ велѣлъ... меня... любить».

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

Вчера твое письмо—хорошее, простое—

Прочелъ съ волненіемъ я, прочелъ наединѣ.

Покой души смущенъ, но—каюся—во мнѣ

Не пробудилось счастливое бывшее...

О, если-бы тогда, когда въ груди моей

Кипѣлъ огонь любви порывистой и знойной,

Такъ написала ты,—счастливый, безпокойный,

Я грезилъ-бы всю ночь надъ вѣсточкой твоей.

Теперь—съ тоской слѣжу въ письмѣ за словомъ слово.

«Прости! забудь меня! не вспоминай былого!..»

Такъ осенью, когда повсюду тишь и сонъ,

Нѣтъ пѣсенъ, даль чиста холодная, нѣмая,—

Вдругъ птичка поздняя, куда-то пролетая,

Надъ лѣсомъ запоетъ... И чуткій, пробужденъ,

Какъ бѣдный лѣсъ груститъ, что пѣснію безплодной

Развѣявъ сонъ его, спокойный и холодный...

«Зачѣмъ», промолвить онъ: «нарушенъ мой покой?»

«Зачѣмъ поешь о томъ, чему не воротиться?..»

Промолвить и—уснетъ, чтобъ съ первою весной

Для радостей любви, для пѣсенъ пробудиться.

РЕВНОСТЬ.

Безсонная ревность, какъ призракъ, склонилась къ
постели,

И въ долгія ночи мнѣ голосъ ея раздается:
«Ей, слушай, проснися! Ну, право, какой ты наивный,
Любимъ я, моль, счастливъ... О, глупый, она вѣдь
смѣется!

Не вѣришь? А вонъ погляди-ка: всѣ окна у ней
засвѣтились,

Что-жь! пусть и она погуляетъ хоть ночью-то съ дру-
гомъ...

Спи: что за бѣда! Вѣдь любимъ ты!»

Старуха смѣется,—

Вскочилъ я — на милыя окна гляжу съ непонятнымъ
испугомъ.

Нѣтъ! въ окнахъ темно... Обманула проклятая вѣдьма!

Ни звука, ни рѣчи... Тамъ спить, ненаглядная, сладко

И въ грезахъ полночныхъ, быть можетъ, меня увидала...

А я-то, а я-то... Прости мнѣ, родная касатка!..

И снова ложусь я, и вновь неотвязная дума:

А, можетъ, и правда,—она не одна? Неужели?!

Нѣтъ!.. нѣтъ! Ну, а если?..

Въ тоскѣ я глаза открываю:

Безсонная ревность, какъ призракъ, склонилась къ
постели.

Д. Ратгаузъ.

---

* * *

Въ эту лунную ночь, въ эту дивную ночь,
Въ этотъ мигъ благодатный свиданья,
О, мой другъ, я не въ силахъ любви превозмочь,
Удержать я не въ силахъ признанья!

Въ серебрѣ чуть колыхнется озера гладь...
Наклонясь, зашепталися ивы...
Но безсильны слова!—Какъ тебѣ передать
Истомленного сердца порывы?

Ночь не ждетъ,—ночь летитъ... закатилась луна...
Заалѣло въ таинственной дали...
Дорогая, прости!—Снова жизни волна
Намъ несетъ день тоски и печали!

---

* * *

Закатилось солнце, заиграли краски
Легкой позолотой въ синевѣ небесъ...
Въ обаяньи ночи сладострастной ласки
Тихо что-то шепчетъ задремавшій лѣсъ...

И въ душѣ тревожной умолкаютъ муки
И дышать всей грудью въ эту ночь легко...
Ночи дивной тѣни, ночи дивной звуки
Насъ съ тобой уносятъ, другъ мой, далеко...

Вся объята нѣгой этой ночи страстной,
Ты ко мнѣ склонилась на плечо главой...
Я безумно счастливъ, о, мой другъ прекрасный,
Безконечно счастливъ въ эту ночь съ тобой!

ВЪЯНЬЕ ПРОШЛАГО.

Ты-ли это, другъ мой нѣжный,
Въ дуновеньѣ ароматномъ
Надъ душой моею мятежной
Вѣешь счастьемъ невозвратнымъ?

Я не знаю, что со мною...
Но въ груди такъ сердце бьется...
Надъ усталой головою
Что-то радостное вьется...

Д. РАТГАУЗЪ.

Тихо льются чьи-то рѣчи
Съ безконечною любовью...
Чьи-то мраморныя плечи
Приникають къ изголовью.

Чьи-то свѣтятся мнѣ очи...
На устахъ горять лобзанья,
И въ тиши безмолвной ночи
Чьи-то носятся признанья...

Другъ далекій, другъ мой нѣжный!
Ты-ли, съ силой непонятной,
Надъ душой моею мятежной
Вѣешь лаской невозвратной?

---

* * *

Мы сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки.
Съ тихой пѣсней проплыли домой рыбаки.
Солнца лучъ золотой за рѣкой догоралъ...
И тебѣ я тогда ничего не сказалъ.

Загремѣло вдали... Надвигалась гроза...
По рѣсницамъ твоимъ покатила слеза...
И съ безумнымъ рыданьемъ къ тебѣ я припалъ...
И тебѣ ничего, ничего не сказалъ.

*И теперь, въ эти дни я, какъ прежде, одинъ,
Вжъ не жду ничего отъ грядущихъ годовъ...*

Д. РАТГАУЗЪ.

Въ сердцѣ жизненный звукъ ужъ давно отзвучалъ...
Ахъ, зачѣмъ я тебѣ ничего не сказалъ!

---

* * *

Снова, какъ прежде одинъ,
Снова объять я тоской,
Смотрится тополь въ окно,
Весь озаренный луной...
Смотрится тополь въ окно...
Шепчуть о чемъ-то листы...
Въ звѣздахъ горять небеса!..
Гдѣ теперь, милая, ты?
Все, что творится со мной,
Я передать не берусь...
Другъ! помолись за меня,—
Я за тебя ужъ молюсь...

К. Р.

---

* * *

Любовью-ль сердце разгорится,
О, не гаси ея огня!
Не имъ-ли жизнь твоя живится,
Какъ свѣтомъ солнца яркость дня?
Люби безмѣрно, беззавѣтно,
Всей полнотой душевныхъ силъ,
Хотя-бъ любовію отвѣтной
Тебѣ никто не отплатилъ.
Пусть говорятъ: какъ все въ твореньѣ
Съ тобой умереть твоя любовь—
Не вѣрь въ неправое ученье:
Истлѣетъ плоть, остынетъ кровь,
Угаснетъ въ срокъ опредѣленный
Нашъ міръ, угаснутъ тмы міровъ,
Но пламень тотъ, Творцомъ возженный,
Пребудетъ въ вѣчности вѣковъ.

* * *

Ужъ гасли въ комнатахъ огни...

Благоухали розы...

Мы сѣли на скамью въ тѣни

Развѣсистой березы.

Мы были молоды съ тобой;

Такъ счастливы мы были

Насъ окружавшею весной;

Такъ горячо любили!

Двурогій мѣсяцъ наводилъ

На насъ свое сіянье;

Я ничего не говорилъ,

Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синихъ глазъ твоихъ

Ты опускала взоры:—

Краснорѣчивѣй словъ иныхъ

Нѣмые разговоры.

Чего! не смѣлъ повѣрить я,

Что въ сердцѣ ты таила,

Все это пѣсня соловья

За насъ договорила.

* * *

Помнишь-ли ты, какъ бродили мы по полю

Въ жаркій, безоблачный день?

Къ стройному сѣли съ тобою мы тополю

Рядомъ, въ душистую тѣнь.

Помнишь, смѣясь, я твои слушалъ жалобы
На утомленіе и зной;
Ты говорила, что вѣкъ отдыхала-бы
Здѣсь, въ этой травкѣ густой.

Строгими я отвѣчалъ наставленьями:
— По полю праздно бродить
Легче, чѣмъ съ горемъ, съ бѣдой, съ огорченьями
Жизнь трудовую прожить.

Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею—
Намъ ихъ вернуть не дано!
Поле теперь колосится пшеницею,
Тополь нашъ срубленъ давно.

Солнце тебя не пугаетъ горячее,
Ты не устанешь въ пути:
Ты терпѣливо глубокое, жгучее
Горе умѣешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Передъ которымъ давно задрожало-бы
Слабое сердце мое.

— О, подѣлись этой волею гордою,
Мужествомъ этимъ со мной,
Чтобы пройти я могъ поступью твердою
Поприще жизни земной.

Если-жъ смутятъ меня міра бездушнаго
Горе, бѣда и напасть —
То пристыди ты меня, малодушнаго,
Духомъ готоваго пасть.

---

* * *

На балконѣ цвѣтущей весною,
Какъ запѣли въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.

Тихій голосъ въ ушахъ раздавался, —
Но твоихъ я не слушалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину этихъ мягкихъ очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ —
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.

Не могли-бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь...
— Словно ночь надо мною нависла
Свѣтозарная, вешняя ночь!

Х БАРКАРОЛЛА.

Плыви, моя гондола,
 Озарена луной,
 Раздайся, баркаролла,
 Надъ сонною волной.
 Настроена гитара...

О, другъ, я въ честь твою
 Всѣго земнаго шара
 Всѣ пѣсни пропою!
 Смотри, ужъ на Пьяцеттѣ
 Погашены огни,
 При яркомъ лунномъ свѣтѣ
 Съ тобою мы одни.

Замолкли серенады,
 И ставни заперты,
 Среди ночной прохлады
 Не спимъ лишь я, да ты.
 До Лидо недалёко,

Мы быстро доплывемъ;
 Тамъ море такъ широко
 Раскинулось кругомъ.
 Тамъ мѣсяцъ волны любить:
 Смотри, какъ съ вышины
 Лучами онъ голубить
 Морскія глубины.

Тамъ, въ голубомъ просторѣ,
 Въ лазоревой дали
 Забудемъ мы и горе,
 И бѣдствія земли,—

Пусть звуки поцѣлуя
Подслушаетъ волна,
И, какъ тебя люблю я,
Пусть подглядитъ луна!

ГЕКСАМЕТРЫ.

I.

Счастье-жъ твоимъ голубямъ! ты снова въ дверяхъ по-
казалась
Съ пестрой корзиной въ рукахъ, зерномъ наполненной
крупнымъ.
Всѣ вострепнулись они, всѣ вдругъ надъ тобой за-
кружились,
Близко услились къ тебѣ и, нѣжно ласкаясь, воркуютъ.
Голуби всюду: въ самой корзинѣ надъ лакомымъ кор-
момъ,
Тѣ на плечахъ у тебя довѣрчиво такъ пріютились,
Эти у ногъ и клюютъ на порогъ упавшія зерна.
— О, не спѣшите вспорхнуть! Побудьте здѣсь, кроткія
птицы!
Дайте завидовать мнѣ вашей близости къ дѣвѣ пре-
красной,
Дайте хоть издали мнѣ на нее любоваться подолѣ!

II.

Завтра вотъ эти стихи тебѣ показать принесу я.
— Сядемъ мы рядомъ; опять разовью заветный я сви-
токъ,

Голову нѣжно ко мнѣ на плечо ты снова приклонишь,
Почеркъ затѣйливый мой на свиткѣ съ трудомъ раз-
бирая.

Съ робостью тайной въ душѣ и трепетомъ сладкимъ
объятый,

Взора не смѣя поднять на тебя, притаивши дыханье,
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что въ этихъ стихахъ ты осудишь и все, что по-
хвалишь.

— Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звукъ отгнѣнить, невольное выдастъ движенье.
Если-же все до конца дочитаешь ты безъ запинки,—
Въ очи тебѣ загляну я и въ нихъ приговоръ про-
читаю.

Ласковой, ясной меня озаришь ты быть можетъ улыб-
кой...

Мнѣ-ль благодарнымъ не быть вдохновенью за эту
улыбку!

О! Если-бъ только оно меня осѣняло почаще!..

С. Сафоновъ.

---

*
* * *

Ночь потокомъ голубаго свѣта
Льется къ намъ сквозь переплеты рамы...
Не сомкнуть очей намъ до разсвѣта,—
Промечаемъ вѣрно до утра мы...

По стѣнѣ, облитой луннымъ блескомъ,
Рѣютъ тѣни—призрачныя птицы:—
Тамъ, вдали, надъ самымъ перелѣскомъ,
Блѣдныхъ тучъ проходятъ вереницы...

Посмотри, взглядишь въ ихъ очертанья:
То съ полей, воскресшихъ къ жизни новой,
Прочь бѣгутъ съ тоскою въ край изгнанья
Злые духи, сны зимы суровой.

Оттого и свѣтъ трепещетъ страстно,
Молодой весны трепещетъ сила,

Оттого и насъ съ тобой такъ властно
Счастье жить сегодня охватило.

Жить, о, да! Пускай ~~неуфротимо~~
Бьется сердце! Ближе, дорогая!..
Всѣ въ свѣту проходятъ тучи мимо...
Ярче ночь... О, красота какая!..

---

* * *

Я помню: вѣчный Римъ, разгульный и мятежный
Обычно праздновалъ веселый карнавалъ.
Въ толпѣ Полишинель вертѣлся неизбѣжный,
Былъ тутъ-же Арлекинъ насмѣшливый и нѣжный—
И Коломбинъ вздоръ любовный напѣвалъ;
Арабы, мудрецы въ причудливомъ уборѣ,
Паяцы, рыцари съ мечемъ и безъ меча,—
Все это собралось въ какомъ-то дикомъ хорѣ—
И мчалось бѣшено, волнуясь и крича.
На стогнахъ, площадяхъ,—куда ни кинешь взоры,—
Колеблемыхъ знаменъ раскинулся покровъ,
И музыки гремятъ невидимые хоры,
И всюду блескъ огней, и всюду дождь цвѣтовъ!..
А тамъ, надъ городомъ, въ которомъ сказка эта
Свершалась на-яву, нарядна и шумна,
Такая въ этотъ часъ сіяла бездна свѣта,
Такая строгая стояла тишина!
*Казалось, съ вышины глядѣли чьи-то очи
Съ печалью дѣвственной, жалѣя и любя...*

И страшно стало мнѣ передъ святыней ночи
За тѣхъ, кто былъ вокругъ,—за нихъ и за себя..

---

* *
* *

На просторѣ лѣсистой поляны,
Въ тишинѣ задремавшей природы,
До разсвѣта ходили туманы—
Заводили свои хороводы.

То съ порывомъ тоски и желанья
Къ свѣтлымъ звѣздамъ они устремлялись,
То, пугаясь ночного дыханья,
Надъ землею ползли и свивались.

А на утро они умирали—
Умирали сѣдые туманы—
И прощальныя слезы роняли
На цвѣты и на травы поляны.

И лучи загорѣвшей зорьки,
Вспыхнувъ въ капляхъ сверкающей пыли,
Не узнали, какъ слезы тѣ горьки—
И о чемъ онѣ пролиты были.

КЭТЪ.

I.

Спать... полу-открыла губки...
Тише... подойду...
Мирень сонъ моей голубки
На травѣ въ саду.

Въ знойный день и розы словно
Въ полу-снѣ цвѣтуть...
Какъ малютка дышетъ ровно,
Какъ ей славно тутъ!..

Сколько нѣги, сколько лѣни...
Безмятежна высь...
Свѣта отблески и тѣни
Въ кружева сплелись...

Поцѣлую... Не проснется!
Кэтъ, люблю... люблю!..
— Ай!..

Вскочила—и смѣется:
«Думаете, сплю?»

II.

Въ чащѣ кустовъ притаилась, плутовка,—смѣется...
Личико такъ и пылаетъ, а сердце какъ бьется!
Духъ переводить, сжимая рученками грудь...
Вдругъ онъ догонитъ, увидитъ, найдетъ какъ нибудь!

«Вотъ ты гдѣ Кэтъ?! Ну, попробуй теперь увернуться!»
Вскрикнула, бьется, дрожить—а глазенки смѣются!

Есть много прелести въ дыханьи раннихъ грозъ,
Въ весеннемъ лепетѣ природы обновленной,
Въ лазури дѣвственной, въ расцвѣтѣ первыхъ розъ
И въ пѣсняхъ юности влюбленной.

Но дни осенніе, но мертвый цвѣтъ листвы,
И ночи хмурыя, и смутный блескъ разсвѣта,—
Такъ много высказать способны только вы
Душѣ тоскующей поэта!

О, эти блѣдные, увядшіе цвѣты,
Такіе юные и пышные вначалѣ!
Въ нихъ столько призрачной и нѣжной красоты,
Въ нихъ столько дѣвственной, чарующей печали...

Весенняя заря погасла надо мною.
Спокоенъ сонъ небесъ.
Обвѣяны поля вечерней тишиною—
И убаюканъ лѣсъ.

Туманъ, какъ паръ цвѣтовъ, встаетъ—и снова таетъ...
Вдали огни зажглись...

Порою мирный звонъ оттуда долетаетъ—
И уплываетъ въ высь...

Быть можетъ, кто-нибудь окончилъ трудъ урочный,
И въ этотъ тихій часъ
Печалится за міръ мятежный и порочный—
И молится за насъ...

Взволнована душа—и вновь зоветъ куда-то
Въ вечерней тишинѣ...
Какъ просто счастье здѣсь, и какъ оно когда-то
Доступно было мнѣ!..

Скажи, что сдѣлалъ ты съ надеждами, мечтами
И юностью своей,
Ты плачущій теперь надъ мертвыми цвѣтами
Давно отцвѣтшихъ дней!..

Н. Соколовъ.

---

*
* * *

Осень пѣсни ненастные пѣла,
Низко туча надъ полемъ летѣла,
Разсыпаясь холоднымъ дождемъ,—
Обнаженные вѣтви качая,
Лѣсъ угрюмо шумѣлъ, умирая,
Было пусто и глухо кругомъ.

Только вѣтеръ да сосны шумѣли,
Да какіе-то звуки звенѣли
Надъ пустыми полями вдали...
То скликались въ холодномъ просторѣ,
Собираясь далеко за море,
Снаряжаясь въ походъ, журавли.

«Прочь отсюда! Здѣсь лѣсъ умираетъ,
«Здѣсь болото туманъ застилаетъ,
«Здѣсь подъ инеемъ стынетъ земля...

«Прочь отсюда! Здѣсь холодъ и вьюга,
«А подъ небомъ счастливаго юга
«И теперь зеленѣютъ поля...

«Прочь отсюда!..» Въ тяжеломъ недугѣ
Лѣсъ подъ пѣсни о солнцѣ и югѣ
Только долго и глухо стоналъ...
Но недаромъ ихъ кличъ раздавался:
Чей-то голосъ на зовъ отозвался,
Кто-то изъ-лѣсу имъ отвѣчалъ...

Ихъ товарищъ въ безсонной дремотѣ
На холодномъ, пустынномъ болотѣ
Подъ кустомъ, какъ забытый, лежалъ...
Опускались на зоркія очи
Тѣни блѣдныя смерти и ночи...
Онъ не слышалъ, какъ лѣсъ умиралъ,—

Но разслышалъ онъ рѣчи родныя...
Тихо дрогнули крылья больныя,
Снова свѣтъ загорѣлся въ глазахъ,
Снова сердце въ груди застучало,
И взмахнулъ онъ крыломъ, какъ бывало,
И поднялся, и сталъ на ногахъ...

А надъ нимъ поднималася стая,
Рѣзкимъ крикомъ поля оглашая,
И тянула на югъ... Онъ узналъ,
Всѣхъ узналъ онъ въ строю ихъ летучемъ
И, какъ прежде, привѣтомъ могучимъ
На знакомый привѣтъ, отвѣчалъ...

Н. СОКОЛОВЪ.

И въ послѣднемъ, безумномъ усилии
Распахнулъ онъ широкія крылья,
Зашатался и на землю легъ...
Голова, какъ чужая, упала,
Грудь въ холодную воду попала,
И расправить крыла онъ не могъ...

Распласталось, какъ мертвое, тѣло...
Только сердце въ немъ скорбью горѣло,
Только слезы глаза его жгли,
Только видѣлъ онъ гаснущимъ окомъ,
Какъ надъ нимъ въ перелетѣ высокомъ
Улетали на югъ журавли...

ГРАФЪ НЕВЕРЪ.

Легенда.

Графъ Неверъ... Да что съ нимъ случилось?
Этотъ праздникъ—для чего?
Никогда такимъ веселымъ
Не видали мы его.

Вѣчно строгій, вѣчно хмурый,
Вѣчно въ думы погруженъ,
Веселѣе всѣхъ, казолась,
На пиру сегодня онъ.

— Графъ Неверъ, а мнѣ сдается,—
Я ему смѣясь сказалъ,—

Н. СОКОЛОВЪ.

Не проста на этотъ праздникъ
Ты сегодня насъ позвалъ.

— Мнѣ сдается, въ этихъ залахъ
Скоро новый пиръ насъ ждетъ,
Въ старый замокъ молодую
Графъ графиню приведетъ.

— Если такъ, полнѣй бокалы!
Старой доблести примѣръ,
Не послѣднимъ будетъ въ родѣ
Славныхъ графовъ графъ Неверъ!

— Пусть во вѣки родъ Неверовъ,
Старой славой славный родъ,
Старой Франціи на славу
Новыхъ рышарей даетъ!

— За невѣсту молодую
Пью до дна я свой бокалъ...
Если только этотъ праздникъ
Я сегодня разгадалъ...

Но съ улыбкою веселой
Мнѣ Неверъ сказалъ въ отвѣтъ:
«Нѣтъ, какъ прежде, и сегодня
У меня невѣсты нѣтъ.

*«Правда, этотъ день мнѣ дорогъ.
Почему—узнаешь самъ.*

Если хочешь, въ старомъ паркѣ
Свой отвѣтъ тебѣ я дамъ:

«Въ старомъ паркѣ зрѣли думы,
И рождались, и цвѣли»...
И, не зная что и думать,
Мы за графомъ въ паркъ пошли.

Въ старомъ паркѣ—тоже праздникъ,
Праздникъ солнца... Пышетъ зной,
Неподвиженъ стройный тополь,
Пахнетъ скошенной травой,

Сыплетъ пыль струя фонтана,
Надъ цвѣткомъ гудитъ пчела,
Отъ зеленыхъ липъ въ аллеѣ
Тѣнь прозрачная легла,

Рдѣетъ макъ, цвѣтутъ жасмины
И вѣтвистый, старый клень
Надъ фамильнымъ склепомъ графовъ
Дремлетъ, въ думы погружень.

Склепъ открытъ. Тамъ стукъ и пѣсни,
Смѣхъ и говоръ молодой.
Кто тревожить въ старомъ склепѣ
Сонъ Неверовъ вѣковой?

То ваятель-итальянецъ
Молоткомъ о камень бьетъ,

Это онъ съ учениками
И смѣется, и поетъ.

Въ красныхъ шапочкахъ, съ рѣзцами,
Съ молотками, всѣ въ пыли,
Эти пѣсни издалика
Итальянцы принесли.

Тешутъ мраморъ, чистятъ бюсты,
Мозаикой кроютъ полъ...
Графъ по мраморнымъ ступенькамъ
Съ нами въ темный склепъ вошелъ...

Росписныя стекла стелютъ
На полу цвѣтную тѣнь...
— Добрый день, синьоръ маэстро!
Вамъ, синьоры, добрый день!

Новый гробъ долбить ваятель,
Сыплеть на полъ пыль и соръ,
Тешетъ мраморъ, гробъ готовить...
— Мнѣ ли это?—Вамъ, синьоръ!—

— Это мнѣ!.. И графъ на мраморъ
Молча руку положилъ,
Что-то долго, долго думалъ
И опять заговорилъ:

— Мнѣ... Здѣсь тихо, здѣсь прохладно,
Здѣсь Неверовъ вся семья...

А за паркомъ жизни шумной
Бьетъ тревожная струя...

— Чѣмъ-то новымъ что-то вѣетъ...
Какъ-то мнѣ не по себѣ,
Какъ-то странно глухо сердце
Къ этой жизни и борьбѣ...

— Часто ночью, въ часъ, печали
Въ этотъ склепъ я уходилъ
Тосковать и думы думать
На камняхъ родныхъ могилъ.

— И порою мѣсяцъ блѣдный
Озарялъ своимъ лучемъ
Фантастическія тѣни
Въ нашемъ склепѣ родовомъ.

— Изъ могилъ встаютъ Неверы...
Скорбны мертвыя черты...
И въ морщинахъ ихъ глубокой
Слѣдъ тоскующей мечты...

— И они въ глаза мнѣ смотрятъ,
И пыливъ ихъ взглядъ нѣмой
И какъ будто тяжело имъ
Тосковать моею тоской.

— Цѣлый день меня сжигаетъ
Мертвый пламень ихъ очей...

Что смущаетъ, что тревожитъ
Сонъ тоскующихъ тѣней?.

— Но недавно, въ часъ полночи,
Съ горностаемъ на плечахъ,
Старый прадѣдъ такъ сказалъ мнѣ
Съ кроткой ласкою въ очахъ:

«Не томись, не мучься... Съ нами
Рядомъ гробъ себѣ построй,
И желѣзною рѣшеткой
Двери въ этотъ склепъ закрой,

«И умри... Тогда спокойно
Рядомъ всѣ мы здѣсь уснемъ.
Мы послѣдняго Невера
Здѣсь давно съ тоскою ждемъ.

«Ты придешь, и дверь закроютъ,
Будетъ въ сборѣ весь нашъ родъ.
Новый родичъ съ новой смертью
Къ этой двери не придетъ.

«Мечъ сломай: то мечъ — Неверовъ.
Онъ другимъ—не по рукѣ.
Нашей славы слѣдъ кровавый
На его стальномъ клинкѣ.

«Гербъ нашъ здѣсь повѣсь, надъ нами...
Мертвой ратью вокругъ него

Н. СОКОЛОВЪ.

Ляжемъ мы въ гробахъ на стражѣ
Чести рода своего»...

— Эту ночь я до разсвѣта
Въ нашемъ паркѣ пробродилъ,
Въ эту ночь я словно крылья
За плечами ощутилъ.

— Словно геній смерти кротко
Наклонился надо мной,
Словно снялъ онъ съ тихой лаской
Тяжкій гнетъ съ души больной.

— Вотъ мой гробъ—въ ряду послѣдній!..
Склепъ нашъ темень и высокъ...
Любо слушать мнѣ, какъ звонко
Бьетъ о камень молотокъ!

— Какъ мнѣ милъ маэстро старый,
Итальянской пѣсни ладъ!
Какъ спокойно лица предковъ
На меня со стѣнъ глядятъ!

— Лучшій пиръ мой—пиръ послѣдній!..
Въ замокъ, въ замокъ!.. Всѣ за мной!..
Сердце жадно просить смѣха,
Просить пѣсни молодой...

Н. СОКОЛОВЪ.

И опять и смѣхъ и пѣсни,
И вино въ бокалахъ бьетъ...
Графъ Неверъ, послѣдній въ родѣ,
Намъ послѣдній пиръ даетъ... _

П. Тулубъ.

МОРЕ.

Къ твоимъ скалистымъ берегамъ,
Твой рѣдкій гость, приду я скоро—
И поклонюсь твоимъ волнамъ
И блеску синяго простора.
Въ прохладѣ утренней одинъ
Я стану грезить надъ тобою,
Надъ зыбкимъ зеркаломъ пучинъ,
Любуясь далью голубою.
Я буду слушать, какъ волна
Шумить, и пѣнясь, и сверкая,
Какъ рѣзво плещется она,
На отмель влажную взбѣгая.
О, чудный край, гдѣ небеса
Чаруютъ взоръ лазурью чистой,
Гдѣ даль такъ нѣжно паруса
Лелѣетъ въ дымкѣ золотистой!
А этотъ шумъ, немолчный шумъ

Прозрачныхъ струй зеленой влаги...
Тамъ окрылится мыслью умъ,
Тамъ грудь исполнится отваги,
И я отдамся вновь мечтамъ,
Забывъ души бывшее горе,
Придя къ скалистымъ берегамъ,
Къ тебѣ, лазоревое море.

НОЧЬ.

День... дня я не люблю, но ночь моя подруга.
Пускай мнѣ говорятъ, что въ сумракѣ ночномъ
Вдвойнѣ больнѣе скорбь душевнаго недуга
И страхъ грядущаго и грезы о быломъ,—
Мнѣ ночь милѣе дня... Когда съ душистой мглою
Придетъ безмолвная, раскинетъ свой покровъ,
Засвѣтитъ сонмы звѣздъ надъ дремлющей землею,
И воздухъ напоить дыханіемъ цвѣтовъ,—
Люблю я въ полумглы, волнуясь и мечтая,
Подъ сводами аллеи задумчиво бродить.
Какъ кротокъ я тогда! Какъ сердце, замирая,
Трепещетъ жаждой вновь и вѣрить и любить...

И нынче я бродилъ, усталъ и надъ обрывомъ
Подъ сѣнью старыхъ липъ присѣлъ на мшистомъ пни
И заглядѣлся въ даль, любуясь переливомъ
И свѣта и тѣней при трепетной лунѣ.
Гдѣ бывала скорбь? Въ душѣ—покой отрады...
кто тоской томимъ, приходи сюда! Вглядишься

П. ТУЛУБЪ.

Ъъ безмолвный, спящій садъ, исполненный прохлады,
І вверху, въ лазурь небесъ, въ ихъ голубую высь!

Кроткое сіянье
Льетъ вокругъ луна.
Свѣжесть и молчанье...
Ночка чаръ полна.
Звѣзды въ небѣ блещутъ...
Надо мной слегка
Листья липъ трепещутъ:
Вздохи вѣтерка
Ихъ порой колышутъ.
Розы въ цвѣтникѣ
Благовоньемъ дышутъ...
Чу! невдалекѣ
Соловей залился
Пѣсней—серебромъ...
Садъ вдругъ пробудился,
Ожило все въ немъ.
Внемлютъ пѣснѣ розы,
Липы, стройный кленъ,
Внемлютъ ей березы,
Внемлетъ небосклонъ,
И потокомъ страстнымъ
Льются надъ землею
Вдаль подъ небомъ яснымъ
Звуки пѣсни той.

Рай и упоенье!
Погляди на прудъ:
Тихо испаренья

Надъ водой плывутъ,
Облекая нѣжно
Темные кусты
Дымкой бѣлоснѣжной,
Легкой, какъ мечты.
Рай и упоенье!
Воздухъ свѣжъ и чистъ.
Каждое растенье,
Даже каждый листъ
Дышетъ полусонный
Жизнью и весной—
Этой благовонной
Ночкой золотой.
Чудныя мгновенья!
Въ сердцѣ тишина:
Мира, всепрощенья
Грудь моя полна.

Что это?.. Колоколь... Звуки дрожащіе
Вдругъ разбудили окрестный покой.
Мѣрны удары, уныло звучащіе
Тихимъ раздумьемъ—тоской.
Чудные звуки, пѣвучіе звуки...
Какъ мелодичны ихъ волны!
Кроткой печали, подавленной муки,
Жалобъ и слезъ онѣ полны.

Этимъ звукамъ внемлю
Съ грустной я мечтой.
Мнится мнѣ: на землю,
Выждавъ часъ ночной,

п. тулубъ.

Чей-то плачь печали
О судьбѣ людской
Льется къ намъ изъ дали
Мглисто-голубой.

Колоколь унылый...
Церковь... Близъ погость...
Храмъ святой и милый,
Бѣденъ онъ и простъ.
Вонъ лучистой точкой
Крестъ вдали горитъ.
Этой тихой ночью
Храмъ безмолвный спитъ.
Скоро воскресенье...
Въ праздникъ иногда
На богослуженье
Ѣзжу я туда.

Утро. Тишь. Сверкая,
Жизнью дышетъ степь.
Въ небѣ тучекъ стая
Вытянулась въ цѣпь.
Конь мой радъ прохладѣ,
Быстро онъ идетъ.
Подкачу къ оградѣ,
Встану у воротъ;
Пыльною дорогой
Къ церкви подхожу;
Съ тайною тревогой
Въ Божій храмъ вхожу...

П. ТУЛУБЪ.

Пѣнье. Золотистый
Солнца лучъ... Волной
Өиміамъ душистый
Льется надъ толпой.
Темныя иконы...
Тусклый блескъ огней...
Людъ кладетъ поклоны...
Слышенъ плачъ дѣтей...

Люди унылые... Взоры горячіе...
Трогаютъ сердце слова непонятныя...
Братья, безъ ропота горе терпящіе!
Видѣли-ль въ жизни вы дни благодатные?
Нѣтъ, вы не видѣли ихъ и не знали.
Жизнь безутѣшная слезъ и печали,
Жизнь безразсвѣтная—мракъ и неволя—
Вотъ ваше счастье, вотъ ваша доля!

. . . . .

А. Федоровъ.

---

* * *

Лѣсъ и лѣсъ... Сосна да ели...
Фантастично-грустный видъ!
Какъ въ парчевой колыбели,
Въ звѣздномъ небѣ мѣсяцъ спить.
Спитъ земля... Нигдѣ—ни звука...
Что за ночь, за тишина!
Замолкаетъ скорбь и мука
Въ этомъ дивномъ царствѣ сна.
Сладкій сонъ невольно клонить
И меня... Волшебный путь!
Колокольчикъ тихо стонетъ,
Точно просится уснуть.
Спитъ ямщикъ... Въ волшебныхъ чарахъ
Стали лошади... Но, чу!..
По вершинамъ сосенъ старыхъ,
Разукрашенныхъ въ парчу,
Скачетъ векша съ тихимъ трескомъ,

А. ФЕДОРОВЪ.

И, какъ дождь цвѣтныхъ камней,
Озаренный луннымъ блескомъ,
Сыплеть иней на коней.

КРЫМСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Я влюбился въ безбрежное море,
Въ красоту фіолетовыхъ горъ,
И забылъ молчаливое горе
И сомнѣній глухой разговоръ.
Обаяніемъ сладостнымъ полный,
По часамъ я сидѣлъ на скалѣ
И слѣдилъ, какъ прозрачныя волны
Въ упоеньи ласкались къ землѣ;
И ласкались и что-то шептали
И, въ залогъ обаятельныхъ грезъ,
На гирляндахъ плюща оставляли
Мириады сверкающихъ слезъ...

---

* * *

Морознымъ вечеромъ, когда румянецъ алый
Вечерняя заря по небу разольетъ,
Въ укромномъ уголкѣ, измученный, усталый,
Люблю я отдыхать отъ горя и заботъ.

А. ФЕДОРОВЪ.

Тепло и полумракъ. Огня не зажигаю,
Не шевелясь, сижу одинъ, совѣмъ одинъ...
Кипящій самоваръ поетъ неумолкая,
И весело трещитъ привѣтливый каминъ.

Тепло и полумракъ... Какъ сердце бьется ровно!
Спокойно дремлетъ умъ; утомилась кровь.
И кажется, рука незримая любовно,
Какъ въ годы дѣтскіе, меня ласкаетъ вновь.

Тепло и полумракъ... Неясною толпою
Плывутъ обрывки думъ... Мнѣ грезится весна,
И юность, и любовь... А тихій ангелъ сна
Таинственнымъ крыломъ ужъ вѣетъ надо мною.

НА ВОЛѢ.

Костеръ погасъ... Чуть-чуть дымится
Полуостывшая зола.
На рѣчку сонную ложится
Фатой серебряною мгла.
Спитъ мой товарищъ по охотѣ;
Беззвученъ ночи плавный ходъ.
Лишь коростель кричитъ въ болотѣ,
Да рыба сонная всплеснетъ.
Порою выбъ тоскливо охнетъ,
И снова ласковая тишь,
И надъ рѣкою не шелохнетъ
Ни лѣсъ, ни дремлющій камышъ.

А. ФЕДОРОВЪ.

Все спать... Но странное волненье

Мнѣ сномъ забыться не даетъ...

А звѣзды сыплются съ высотъ,

Какъ драгоценные камни.

К. Фофановъ.

---

* * *

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя...
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.

И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя,
И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.

И земля подъ весенними ласками,
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.

И теперь въ эти дни многотрудныя,
Въ эти темныя ночи ненастныя,

К. ФОФАНОВЪ.

Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя.

---

* * *

Когда удалившись отъ золь суеты,
Отъ благъ и житейскихъ страданій,
Ты внидешь, исполнена тайной мечты,
Въ обитель святыхъ покаяній,—
Быть можетъ, тебя навѣститъ я приду
Усталой, признательной тѣнью,
Весною, когда въ монастырскомъ саду
Запахнетъ душистой сиренью.

Войду я безмолвенъ, войду я унынъ,
Въ обитель молитвы и мира,
Услышу бряцанье пахучихъ кадилъ
И пѣнье согласнаго клира.
Тебя я узнаю межъ юныхъ черницъ,
Твой взоръ будетъ кротокъ и нѣженъ;
Ты будешь безмолвна, какъ сумракъ темницъ,
Я буду, какъ буря, мятеженъ.

Но ты не узнаешь, родная, меня;
Пройдешь ты, потупившись, мимо,
Блѣдна, какъ мерцанье осенняго дня,
Прекрасна, какъ тѣнь серафима.
*Не дрогнуть рѣсницы, не вспыхнетъ щека, —
Пройдешь и исчезнешь безъ шума...*

Ты будешь отъ думы земной далека,
Я весь буду трепеть и дума!

* * *

Отъ луны небесной, точно отъ лампы,
Бѣлый и прозрачный блескъ разлитъ. Вдали
Темная аллея, полная прохлады,
Шепчутся о тайнахъ неба и земли...

Гдѣ-то торопливо скрипнула калитка,
Кто-то раздвигаетъ влажную сирень...
Вонъ въ саду мелькнула бѣлая накидка,
Въ озаренной чащѣ проскользнула тѣнь...

Нѣтъ, вокругъ все тихо! Это только греза!
За окошкомъ осень... Это шепчетъ мнѣ
Въ ароматной дремѣ молодая роза,
Тихо увядая на моемъ окнѣ...

---

* * *

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.
Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса;

Небо блещетъ, точно море,
Море—точно небеса.
Сосны—въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.
И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

УМИРАЮЩАЯ НЕВѢСТА.

Матушка! Я слышу кто-то шепчетъ сладко,
Кто-то за стѣною тамъ поетъ давно...
— Спи, моя родная! Спи, моя касатка—
Это дождь осенній хлещется въ окно.
— Матушка, скорѣе отвори окошко...
Слышишь ли, подѣхалъ милый мой къ крыльцу,
Поведи къ окошку—посмотрю немножко:
Онъ-ли, я узнаю сразу по лицу!
— Нѣтъ, моя голубка, это шепчутъ нивы,
Это расходились волны на рѣкѣ...
— Матушка, мы въ церкви!.. мы теперь счастливы,
Перстень обручальный блещетъ на рукѣ.
Отъ свѣчей вѣнчальныхъ теплое мерцанье
Жаромъ обвѣваетъ щеки и чело...
Какъ народу много!.. мнѣ тѣснить дыханье...
Матушка, не правда-ль, въ церкви какъ свѣтло!..

Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвѣчаетъ дочери своей;
Передъ нею рѣютъ сумрачныя грезы,
Сумрачныя грезы полночи темнѣй.
Видитъ она церковь,—только не съ налоемъ,
Безъ свѣчей вѣнчальныхъ... и глядитъ на дочь,
Дышашую тяжело, пышашую зноемъ,
Въ эту ночь глухую, въ пасмурную ночь...

ПРИЗРАКЪ.

Весь сотканъ изъ луннаго свѣта,
Обрызганъ душистой росой,
Со мною онъ былъ до разсвѣта
И плакалъ о счастья со мной.

И призраку молвилъ я, мрачный:
Зачѣмъ ты—пришелецъ съ луны?
Безжизненъ твой обликъ прозрачный,
И слезы твои холодны.

Зачѣмъ ты мнѣ сердце тревожишь
И плачешь со мной за меня?
Ты знать моей думы не можешь,
Не вѣдая страсти огня.

А призракъ въ серебряномъ блескѣ,
Пугая полночную мглу,

К. ФОФАНОВЪ.

Безстрастно чертилъ арабески
Изъ бѣлыхъ лучей на полу.

Все ярче въ томительномъ мракѣ
Зловѣщій узоръ выступалъ,
И въ каждомъ таинственномъ знакѣ
Я повѣсть былого читалъ...

---

* * *

Что ты плачешь, дорогая,
Провожая въ даль меня?
Что встрѣчаешь ночью хмурой
Солнце праздничнаго дня?!

Насъ дорога учить пѣснямъ,
Упованьямъ и любви;
Не слезами, а улыбкой
Дальній путь благослови.

Я вернусь къ тебѣ бодрѣ, —
Попытавъ на сторонѣ
Издалека грезу счастья
Улыбнушагося мнѣ.

Не туманъ же взоръ свой ясный
И не хмурь густую бровь...
Сила мѣряется волей,
А разлукою любовь...

Я съ тобою сердцемъ буду;
Ты мечтой за мной лети,
Клятвы, письма и молитвы,
Разсыпая по пути...

Будетъ время поцѣлуемъ
Я сотру слезу съ лица,
И уйдетъ, шатаясь, ревность
Отъ счастливаго крыльца.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Я узналъ весну по блеску голубому
Томныхъ, какъ мечта, задумчивыхъ ночей;
Но въ душѣ лелѣя тайную истому,
Я боюсь весны болѣзненныхъ очей;
Отъ ея безмолвныхъ и пытливыхъ взоровъ
Въ сердцѣ, подымаясь, воскресаютъ вновь
Тѣнь былыхъ обидъ и боль былыхъ укоровъ —
Все, что сердце жгло, что волновало кровь.

Я завѣсилъ окна темной пеленою,
Растопилъ каминъ и свѣчи я зажегъ,
Чтобъ спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая въ теплый уголокъ.
Надъ весной побѣду торжествуя, грезы
Снова рисовали сердцу моему
Въ инеѣ пушистомъ бѣлыя березы
И морозной ночи сумрачную тьму,

Скрипъ саней по снѣгу и на снѣгѣ тѣни,
Дымъ, изъ трубъ бѣгущій медленнымъ столбомъ,
И недвижимъ воздухъ, полный мертвой лѣни,—
Но недолго былъ я очарованъ сномъ.

За окномъ шумливо что-то зазвенѣло,
Точно кто-то юный крылья развернулъ,
И ворвался въ сердце празднично и смѣло
Пробужденной ночи благозвучный гулъ.
Я узналъ, что это за окномъ рокочетъ,
Что стучится въ стекла: это дождь весны!
Онъ звенить и плачетъ, онъ поетъ и хочетъ
Властно развѣнчать обманчивые сны.
О, какъ страстно сердце сжалось болью жгучей,
И какъ тускло пламя вкрадчивыхъ свѣчей!
Я открылъ окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утреннихъ лучей,
За плетнемъ осины подъ дождемъ блестяли...
Жгучей влагой слезъ туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенѣли,
И весенней каплей канула слеза...

---

* * *

Мечтательно-возвышенный,
Стыдливый и простой,
Мотивъ когда-то слышанный
Пронесся надо мной.

Стою я очарованный,
Не плача, не дыша,—

К. ФОФАНОВЪ.

И грезой заколдованной
Наполнилась душа.
Мнѣ снится садъ съ пахучими
Цвѣтами и прудомъ;
Луна блеститъ за тучами
Унылымъ фонаремъ.
Въ аллеяхъ дремлютъ граціи
И боги древнихъ лѣтъ;
Зеленая акація
Роняетъ желтый цвѣтъ.
И пѣсню заколдованной
Звучитъ моя душа,
И точно очарованный
Стою я не дыша...

ЖАНО.

Вы, не знавшіе печали,
Въ чашахъ видѣвшіе дно,
Вы, конечно, ужъ встрѣчали
Бѣлокурую Жано?—
Это милое созданье
Съ бѣлой розой въ волосахъ,
Вы встрѣчали на пирахъ—
Это та, чье обаянье
Юныхъ дней благоуханье
Пробуждаетъ въ старикахъ!

Ничего нѣтъ у Жано,
Все заложено давно,
Все до нитки... кромѣ платья,
Кромѣ теплаго объята—
Ничего нѣтъ у Жано!
И кружиться по паркету
Ей свободно на балахъ.
Но сказать ли по секрету?—
Къ ней присвтался надняхъ
Тотъ артистъ, гуляка страшный,
Легковѣрный, безшабашный
И влюбленный впопыхахъ;
Тотъ, кто съ кистью и палитрой
Бродить утромъ на зарѣ,
Въ часъ, когда туманной митрой
Боръ синѣтъ на горѣ,
И въ румянѣхъ янтарѣхъ
Рдѣютъ зыбкія озера,
И дрожать слезинки бора
На березовой корѣ;
Тотъ, кто радугою красокъ
Мертвый холстъ животворить...
Тотъ любитель винъ и плясокъ
Изъ безпечныхъ волокитъ;
Тотъ, при комъ всегда попойка
Упоительно и бойко
Зимнимъ вечеромъ летитъ...
Онъ влюбленъ; съ Жано онъ пишетъ
И вакханокъ и мадоннъ,
И ни мало не смущенъ,
Что Мадонна страстью дышетъ.

Посмотрите на холсты—
Въ каждомъ милья черты!
Здѣсь Жано полунагая,
Межъ сатировъ возлежитъ;
Здѣсь Жано на мраморъ плитъ
Входитъ, ризами сверкая.
Здѣсь подъ сводами аркадъ
Спитъ въ гробу она безгласно;
Здѣсь, мечтая сладострастно,[!]
Жадно смотреть въ темный садъ...
Но одно есть полотно,
Только тронуто оно:
Тамъ Жано съ огнемъ въ очахъ,
Съ наклоненной головою,
Тихо шествуетъ къ налою
Въ бѣломъ тюль и цвѣтахъ.
Но что странно и темно—
Молвятъ, это полотно
Не допишется отнынѣ...
Если слушать намъ молву:
Несвершенное въ картинѣ
Совершится на яву!..

---

*
* *

Въ сыромъ Петербургѣ, за чайнымъ столомъ,
Они размечтались о югѣ родномъ.
Она говорила: «последній разъ шла я
Одна черезъ Кіевъ; тамъ ночь голубая

Вокругъ разстилась... Какъ пахли черешни!
Какъ мягокъ, какъ тепель тамъ воздухъ былъ вешній,
Какъ ласковъ луны обольстительный свѣтъ!
Всѣ окна, раскрытыя настежъ, темнѣли...
Въ садахъ соловьевъ раздавались трели,
И ярко шиповникъ алѣлъ!..» Ей въ отвѣтъ
Сказалъ онъ, волнуясь: «тамъ ночью работой
Я также не могъ заниматься съ охотой:
Бывало подъ самымъ окномъ у меня
Въ вишневомъ кустѣ до лазурнаго дня
Свисталъ соловей, а въ открытыя окна,
Какъ бабочекъ стая, какъ снѣга волокна,
Влетали вишневыхъ цвѣтовъ лепестки,
Мой столъ усыпая...» Она головою
Поникла. Замокъ онъ... и, полный тоски,
Вдохнулъ я, растроганный рѣчью простою.

NOCTURNO.

Не мечты ли мнѣ напѣли
Этотъ бредъ и этотъ сонъ?..
Иль въ ту ночь на самомъ дѣлѣ
Былъ я боленъ и влюбленъ...
Я горѣлъ; писалъ безумно
И написанное рвалъ;
Открывалъ окно безшумно,
Открывалъ и закрывалъ.
Выходилъ, дрожа волненьемъ,
На балконъ и на крыльцо...

К. ФОФАНОВЪ.

Ночь душистымъ дуновеньемъ
Обвѣвала мнѣ лицо.
Точно блескомъ лунной пыли
Быль осыпанъ влажный садъ
И цвѣты лунѣ кадили,
Какъ богинѣ, аромать
Я глядѣль... пылали очи...
Точно самъ я былъ творцомъ
Этихъ звѣздъ и этой ночи,
Серебрящейся кругомъ;
Точно самъ растенья эти
Я росю напоилъ...
Точно я одинъ на свѣтѣ
Плакалъ, мыслилъ и любилъ!..

---

*
* . *

Я вышелъ въ садъ; тамъ юный призракъ мая
Пѣлъ гимнъ веснѣ, въ толпѣ дѣтей бродя;
Дождь отшумѣлъ, и зелень молодая
Роняла слезы теплаго дождя.
Я въ домъ вошелъ, въ печальный домъ раздора,
Въ убогую и жалкую семью,
И тамъ былъ май,—съ безмолвной лаской взора
Онъ допѣвалъ пѣснь грустную свою.
Я завернулъ на тихое кладбище,
Гдѣ мертвыхъ сонъ безгрезенъ и глубокъ,
И тамъ былъ май прекраснѣе и чище,
Онъ мертвымъ плелъ пестрѣющій вѣнокъ.

КУКУШКА.

Гаснетъ вечеръ, гаснетъ небо
Въ блѣдномъ золотѣ лучей...
Вѣетъ тихую печалью
Отъ безлиственныхъ аллей.
Даль пронизана туманомъ,
Точно пылью голубой;
Пахнетъ свѣжею травой
И увядшею листвою.
Все полно безмолвной нѣги...
Только въ зелени сосны,
Будто медленные стоны,
Звуки мѣрные слышны.
То, встрѣчая праздникъ мая,
Въ ароматной тишинѣ,
Одинокая кукушка
Объ иной груститъ веснѣ.
Я люблю ея глухое,
Похоронное ку-ку;
Въ немъ я слышу наши слезы,
Нашу вѣчную тоску...
И обычай суетѣрный
Наблюдая по веснѣ,
Я шепчу лѣсной кукушкѣ:
«Сколько жить осталось мнѣ?»
И пророчица-кукушка
Съ безмятежною тоской,
Точно слезы, сыплеть годы,
Сыплеть звуки надо мной.

Я считаю ихъ прилежно:
Десять... двадцать... тридцать лѣтъ!..
Нѣтъ, кукушка, ты ошиблась,
Льстивъ и ложенъ твой отвѣтъ!
Неужель еще такъ много
Дней печали и борьбы,
Дней тревожныхъ увлеченій
Въ тайникахъ моей судьбы?
Неужель еще придется
Мнѣ оплакивать друзей,
Чье участие сердце грѣло
На разсвѣтѣ юныхъ дней?
Нѣтъ, кукушка, ты ошиблась!—
Жизнь вначалѣ хороша,
Въ дни, когда кипитъ восторгомъ
Окрыленная душа.
Но не сладко встрѣтить старость,
Чтобъ утраты вспоминать,
И, какъ ты, въ своей печали
Къ одиночеству взывать!..

С. Фругъ.

ВЪ КАПИЩѢ.

Протяжнѣ звучитъ жрецовъ унылый хоръ;
Стихаетъ баядеръ неистовая пляска;
Усталымъ пламенемъ горитъ ихъ дикій взоръ
И гаснетъ на щекахъ пылающая краска.
Ужъ каплетъ медленнѣй душистая смола
Изъ вазы бронзовой на уголь раскаленный,
И тихо крадется таинственная мгла
По нишамъ и угламъ божницы золоченной.
А въ нишахъ по стѣнамъ сидитъ недвижный рядъ
Гранитныхъ идоловъ. Ихъ каменные очи
Сквозь сумракъ на меня загадочно глядятъ...
Мнѣ жутко въ этой мглѣ, мнѣ душно,—но нѣтъ мочи
Уйти отъ взора ихъ: какой то тайный страхъ
Уста мои сковаль. Безъ мысли и безъ слова
Гляжу на лица ихъ, померкшія сурово,—
Гляжу, и мнится мнѣ—на мертвыхъ ихъ устахъ

Улыбка жалости и ѣдкаго презрѣнья
 Зазыблилась слегка, застыла безъ движенья,
 И шепотъ медленный, какъ мѣрный шумъ дождя
 Въ безвѣтрїи nocturno, души моей коснулся:
 «...Безумный человѣкъ, безумное дитя!...
 Отъ этихъ стѣнъ, какъ цѣпь, далеко протянулся
 Столѣтїй рядъ: звено послѣднее лежитъ
 На паперти того сіяющаго храма,
 Гдѣ яркимъ пламенемъ иной алтарь горитъ,
 Клубятся облака иного оиміама;
 И богъ иной царитъ въ могучемъ храмѣ томъ,—
 Не идолъ каменный, объятый мертвымъ сномъ,
 Безъ власти и безъ силъ, безъ ласки, безъ отвѣта,—
 Но вѣчный и живой, взирающій кругомъ
 Съ улыбкой благостной участя и привѣта,
 Богъ мира и любви, богъ истины и свѣта.
 Не правда-ль, какъ предъ нимъ и жалою, и смѣ-
 шонъ
 Весь этотъ ветхій міръ, весь блескъ и шумъ, и звонъ,
 И наши алтари, и гимны, и куренья?...
 Но тамъ, у васъ, скажи, умолкъ-ли плачъ и стонъ?
 Разсѣянъ-ли кошмаръ безсилія и сомнѣнья?
 О, да! Кому-жъ грустить, кому-же плакать тамъ,
 Гдѣ все, что истинно, правдиво и прекрасно,
 Такъ близко разуму, такъ дорого сердцамъ,
 А взорамъ такъ свѣтло, отчетливо и ясно?
 О, тамъ—не правда-ли?—и радости свѣтлѣй,
 И нѣтъ тамъ ни тоски, ни гнѣва, ни печали?
 Скажи,—вѣдь люди тамъ давно уже познали,
 Чѣмъ сдѣлать жизнь свою и шире, и полнѣй?
 Какія-жъ тамъ должны поля цвѣсти! Какія

Долины зеленѣть, сады благоухать,
И пѣсни звонкія, свободныя, живыя
Въ тѣхъ рощахъ и поляхъ рождаться и звучать!
Скажи... Но что съ тобой? Зачѣмъ въ тоскѣ без-
плодной

Ты голову склонилъ, вздыхая и грустя?
Ты стонешь... Гдѣ? Предъ кѣмъ? Ты, гордый и сво-
бодный,
Ты слезы льешь... На что? На камень нашъ холодный?..
О, бѣдный человѣкъ! О, бѣдное дитя!..

«КНИГА ЧИСЕЛЪ» XI, 27—30.

Быстро отдернулся пологъ шатра, и у входа,
Ткани узорныя скомкавъ дрожащей рукою,
Юноша вдругъ появился, испуганный, блѣдный.
—«Вождь,—онъ воскликнулъ, — измѣна!.. Пророками
Эльдадъ и Медадъ
Провозгласили себя предъ народомъ!.. Весь лагерь,
мятежной,
Шумной толпою собравшись, рѣчамъ ихъ внимаетъ!..»
Мигомъ вскочивъ и небрежной ногой попирая
Свертокъ папируса съ планомъ окружныхъ владѣній,—
—«Мести!»—воскликнулъ Навинъ:—«Моисей! Заточи
ихъ!..»

Медленнымъ шагомъ направился къ выходу вождь; на
порогѣ

*Сталь онъ и взоромъ окинулъ равнину Фарана...
На невысокомъ, покато́мъ холмѣ, подъ навѣсомъ*

Двухъ тамариндовъ зеленыхъ, стояли два старца
Съ кроткой и ясной улыбкой на лицахъ привѣтныхъ
И, окруживъ ихъ волнистой, живой пеленою,
Шумно толпились и старцы, и жены, и дѣти,
Длинные тѣни бросая по дикой песчаной равнинѣ,
Залитой знойнымъ, пурпуровымъ блескомъ заката...
И, обернувшись къ Навину съ улыбкою грустной,
Вождь устремилъ на него свои ясныя очи;
Искра упрека мелькнула во взорѣ недвижномъ,
Легкая тѣнь по челу пробѣжала и скрылась,
И, наконецъ, зазвучалъ въ тишинѣ его голосъ:
— «Мести, сказалъ ты?.. За что? За правдивое слово?!

Но развѣ

Правда властна надъ однимъ и подвластна другому?..
О, если бы весь мой народъ состоялъ изъ проро-
ковъ!..»

АДАМОВО РЕБРО.

На ветхій пергаментъ красивой и нѣжной рукой указуя
Мудрому равви—сѣдому и блѣдному старцу,
Со смѣхомъ задорнымъ промолвила патриціанка:

—«Какъ поступилъ бы Зевесъ-громовержецъ — не
знаю,

Но, равви,—вѣдь это не въ честь и хвалу Саваофу
Богу, Зиждителю міра, Владыкѣ вселенной,

Какъ татю ночному, похитить у смертнаго часть его
тѣла—

Имъ же, Владыкой, изъ праха рожденную плоть, и къ
тому же

У спящаго, равви, у спящаго!..»

Съ кроткой и свѣтлой улыбкой
Равви взглянулъ на прекрасную дочь всепобѣднаго
Рима:

—«Однажды,—сказалъ онъ,—подъ кровъ мой убогий
порою полночной
Хищникъ проникъ и похитилъ мой старый, желѣзный
свѣтильникъ,
А вмѣсто него мнѣ оставилъ — злодѣй! — золотую
лампаду

Тонкой работы»...

—«Но... равви!»

—«Тончайшей работы,
Со множествомъ крупныхъ, блестящихъ алмазовъ»...
«О, равви!

Равви!—воскликнула римлянка:—хищникъ—сказалъ ты?
Какой же...

Какой же онъ хищникъ?.. Взамѣну лампадки желѣз-
ной»...

И не окончила. Мигомъ горячей, стыдливою краской
Зардѣлось цвѣтущее личико римлянки юной...

И, улыбаясь и взглядомъ веселымъ и яснымъ любуясь
Румянцемъ смущенья на свѣтлыхъ чертахъ красоты
покоренной,

Равви склонился главою своей бѣлокудрой,
Съ любовью цѣлуя священные строки Завѣтнаго
свитка...

ЛЕГЕНДА О ЧАШѢ.

— Скажи мнѣ, то правда ль, родная:
Мнѣ дѣдушка нашъ говоритъ,
Что на небѣ чаша большая
Предъ Божьимъ престоломъ стоитъ,
И съ каждой бѣдою, что насъ постигаетъ
Отъ рукъ безпощадныхъ людей,
Въ ту чашу слеза упадаетъ
Со скорбныхъ Господнихъ очей,—
Когда же слезами до самого края
Наполнится чаша святая,
На землю Мессія придетъ,
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждешь не дождешься
Такъ долго нашъ бѣдный народъ?

— Да, милый, родной мой, то правда святая,—
Печально промолвила мать.
И смолкло дитя, размышляя,
Но скоро спросило опять:
— Когда же, родная, когда же слезами
Ужъ будетъ та чаша полна?
Быть можетъ, въ ней сохнутъ тѣ слезы вѣками?
Быть можетъ... бездонна она?
И полные кротости, полные ласки,
Невинные, свѣтлые глазки
На мать устремило дитя.
Но мать, головою поникнувъ, стояла,
Слеза на рѣсницахъ ея задрожала...

С. ФРУГЪ.

Вотъ, яркимъ алмазомъ блестя,
Спадаетъ слеза на головку родную,
Съ головки на лобикъ течеть...
О, Боже! пусть въ чашу святую
И эта слеза упадетъ.

ХУДОЖНИКЪ.

I.

Вѣнчальныя свѣчи горѣли;
Подруги толпились кругомъ;
Пестрѣли и мирты и розы
На пышномъ нарядѣ твоємъ.
Ты яснымъ и радостнымъ взоромъ
На друга взирала, любя...
Въ далекомъ углу пріютившись,
Я тихо глядѣлъ на тебя.
Я чуждъ былъ той радости свѣтлой,
Котóрою взоръ твой сіялъ:
Спокойнымъ художника взоромъ
Я милый твой ликъ созерцалъ,—
И съ краскою краска сливалась
Игрою лучей и тѣней,
И быстро вставала картина
Подъ кистью свободной моею...

II.

Прощальныя свѣчи горѣли;
Подруги стояли кругомъ;

Глубокая мука застыла
На личикѣ мертвомъ твоємъ.
Я чуждъ былъ той мукѣ безмолвной,
Что взоръ твой недвижный хранилъ:
Спокойнымъ художника взоромъ.
По блѣднымъ чертамъ я скользилъ.
И вдругъ—раздирающей мукой
И жалобой жгучей звеня,
Какъ будто струна оборвалась
Глубоко въ груди у меня...
И дрогнула кисть и упала...
Поникъ я на холстъ головой,—
И хлынули горькія слезы
Обильной и жгучей струей.

Ф. Червинскій.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Бѣлая ночь, словно призракъ, плыветъ надъ пустынной столицей.

Дремлетъ Нева голубая, дворцы величавые спятъ.

Рѣютъ тревожные сны и влетаютъ въ дома вереницей,
Тихо изъ норъ выползаютъ и крадется блѣдный развратъ.

Въ эти мгновенья черныя немощенъ духъ омраченный...

Съ бездны грядущаго палъ золототканый туманъ,
Сумракъ тамъ вѣетъ крылами,—и видишь яснѣе, смущенный,

Ложь улыбавшихся грезъ и надеждъ легкокрылыхъ обманъ.

О, зажигай же свой факель, ты, утра властительный геній,

Звонкою пѣснью разлейся, въ таинственный сумракъ души

лей молодую отвагу, и пламя тревожныхъ сомнѣній,
ѣлою ночью рожденныхъ, дыханьемъ своимъ потуши!

---

* * *

Спитъ пустыня, паркъ не дремлетъ...
Величавый и нѣмой,
Онъ полночнымъ трелямъ внемлетъ
Подъ кудрявою горой.
Рой серебряныхъ видѣній
Въ немъ порхаётъ—здѣсь и тамъ,—
Фантастическія тѣни
Робко бродятъ по кустамъ.
Лунный отблескъ въ паркъ струится
Сквозь дрожащую листву
И узорами ложится
На росистую траву.
Ночь плыветъ и сыплетъ чары
Съ многозвѣздной высоты;
Зашепталися чинары
И оливы, и цвѣты.
Надъ синѣющимъ оврагомъ,
По дорожкамъ золотымъ,
Я иду неслышнымъ шагомъ
Я иду—и внемлю имъ.
— «Помнишь садъ Украйны дальней,
Вечеръ теплый и нѣмой,
Взоръ тревожный и печальный,
Рѣчи, полныя тоской,

Ф. ЧЕРВИНСКИЙ.

И прощальныя мгновенья
Въ синемъ сумракѣ аллеи...
Нѣтъ забвенья, нѣтъ забвенья
Жгучимъ ранамъ свѣтлыхъ дней!
Воздухъ полонъ той же ласки,
Тѣ-же гимны соловьевъ,
Тѣ-же звѣзды, тѣ же краски
И деревьевъ и цвѣтовъ...

. . . . .

ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ.

I.

Словно сказочная фея,—
Вешней прелестью блестя,
Ты меня околдовала,
Темнокудрое дитя.
Если звѣзды глазъ лучистыхъ
Лаской робкою блеснуть,—
Въ сердцѣ пѣсни, словно розы,
И сіяютъ и цвѣтутъ.
Если ты мрачна, какъ небо,
Опаленное грозой,—
Такъ звучать онѣ печально,
Какъ пустынныхъ водъ прибой.
Если смерть затмитъ неожиданно
Тихій свѣтъ любимыхъ глазъ,—
Лебединой пѣсней встрѣчу
Я разлуки вѣчной часъ.

2.

Насъ ревнуетъ небо: мы сойтись хотѣли
Въ паркѣ благовонномъ, у морской лазури,
Вдругъ по стекламъ оконъ капли зашумѣли,
Возросталъ и крѣпнулъ гнѣвный ропотъ бури;
Дрогнулъ воздухъ душный; гибкою вершиной,
Застонавъ склонились блѣдныя березы,
Замеръ отдаленный рокотъ соловьиный,
И къ травѣ поникли плачущія розы...

---

* * *

О, еслибъ силой вдохновенья
Я могъ зажечь въ тебѣ презрѣнье
Къ мірку, гдѣ увядаешь ты
Среди невѣждъ благочестивыхъ,
Среди глупцовъ краснорѣчивыхъ
И безграничной пустоты.
Но тамъ, сія бирюзою,
Такъ лучезаренъ небосклонъ!
Тамъ все родное: старый клень,
Разбитый вешнею грозою
Въ саду запущенномъ твоємъ,
И эти выжженные степи,
И зеленѣющія цѣпи
Холмовъ, объятыхъ вѣчнымъ сномъ,
И блескъ ночей, нѣмыхъ и душныхъ,
И томный рокотъ соловьевъ,

И шопоть сплетницъ добродушныхъ,
И мины важныя глупцовъ.

ВЪ ВЕРОНѢ.

(Изъ путевыхъ эскизовъ).

...Вотъ онъ угрюмый, почернѣвшій домъ;
Здѣсь жилъ когда-то гордый Капулетти.
Тамъ—на верху—три темныя окошка
Надъ узенькою лентою балкона...
То комната Джульеты. А сюда,
Вотъ въ этотъ садъ—преданье говорить—
По вечерамъ, когда спала Верона
И воды Эча мѣсяцъ серебрилъ,
Плывя въ лазури неба многозвѣздной,—
Сюда Ромео юный приходилъ
И поднимался къ милому окну.
Она къ нему склонялася—и тихо
Во мглѣ звучали робкія признанья.

А тамъ—за цѣпью сумрачныхъ домовъ—
Ея могила... Пусть все это сказка,—
Ты, гордая дѣйствительность, давно
Не зажигала сладкаго волненья...

Надъ мраморною урной я стоялъ
И чудилось—передо мной вставала
Тѣнь кроткая избранницы Ромео,
Тревожная, вставала—и звала...
И слышались мнѣ звуки словъ забытыхъ,
Печальные, какъ жалоба...

— «Ужъ если,

Signore, кто въ Верону попадетъ,—
Сейчасъ—сюда, къ гробницѣ. А и то:
Быть можетъ, здѣсь, подъ этой урной, нѣтъ
Джюльетты Капулетти, да и врядъ-ли
Жила она на свѣтѣ»...

И несносно
Забормоталъ упрямый чичероне,
Что есть у нихъ, въ Веронѣ, и дворцы
И монументы пышные—не то что
Простая, одинокая могила...

ВЪ ПОМПЕѢ.

(Изъ путевыхъ эскизовъ).

Вотъ онъ мертвый городъ. По руинамъ пыльнымъ
Бродятъ жадно взоры. Жутко... Мысль нѣмѣтъ...
Воскресають тѣни сумрачныя; вѣетъ
Отъ домовъ пустынныхъ холодомъ могильнымъ.
Мы идемъ гурьбою; съ чичероне рядомъ
Англичанка—съ книжкой, съ недовольнымъ взглядомъ,
Съ желтыми кудрями, строгою осанкой,
Съ зонтикомъ и мопсомъ; а за англичанкой
Тучныхъ два монаха съ алыми губами,
Съ темными, какъ вишни, влажными глазами,
Развлекаясь чинно тихимъ разговоромъ,
Созерцають форумъ благосклоннымъ взоромъ.
Нѣтъ, скорѣе къ морю! Лучше одиноко

Завтра поброжу здѣсь, вызывая тѣни...
Вотъ ужъ и ворота, сѣрыя ступени,
Узкая дорожка—и ужъ видитъ око,
Какъ смѣются, пѣнясь, голубыя воды,
Какъ въ отвѣтъ смѣются блещущіе своды
Радостнаго неба...

Въ золотомъ загарѣ,
Улыбаясь морю, спитъ Каstellамаре,
А направо—слабо различаютъ взоры—
За пустыней влаги, тихой и прозрачной,
Радостный Неаполь, зелень рошъ и горы
И усталый мститель, самъ Везувій мрачный...

Спитъ онъ, но все ближе грозныя мгновенья:
Отдохнетъ онъ, старый; изъ могучей груди
Ревъ глухой раздастся... Мигъ одинъ смятенья—
И застынутъ въ лавѣ пестрыя селенья,
Гдѣ безпечно нынѣ копошатся люди...
Гаснетъ день лучистый. Пѣсенъ слышны звуки...
Я присѣлъ на камень. На песчаномъ склонѣ,
Разметавъ широко бронзовыя руки,
Полуобнаженный, дремлетъ ладзарони,
Дремлетъ, сладко нѣжась да на солнцѣ млѣя...
Что ему Везувій! Что ему Помпея!..

Д. Шестаковъ.

---

* * *

Молитесь, молитесь! Ужъ блѣдныя крылья
Бездушная гостя раскрыла надъ нею...
Лежить—разметалась въ томлении безсилья,
Какъ птичка больная, малютка родная...
Я истинѣ вѣрить не смѣю!..

Давно ли, давно ли въ улыбкѣ счастливой
Ея раскрывались румяныя губки,
И смѣхъ разливался волной шаловливой,
И солнце, казалось, лишь ей улыбалось,
Ей—маленькой нашей голубкѣ!..

Молитесь, молитесь!.. Чуть теплится чутко
Надъ дѣтской постелькой ночникъ, замирая...
И ангелы нѣжно цѣлуютъ малютку
Въ усталые глазки, и свѣтлыя сказки
Ей шепчутъ, съ собой увлекая...

*
* * *

Въ блѣдныхъ сумеркахъ мятели,
Въ мглѣ безъ цвѣта и безъ дна
Словно звѣзды заблестѣли
Свѣчи милого окна.

Сквозь морозные узоры,
Головой прильнувъ къ стеклу,
Вижу—ты склонила взоры
Надъ работою въ углу.

Съ страстью дерзкой и тревожной
Я въ пріютъ твой не войду,
Полюбуюсь осторожно,
Осторожно отойду.

Будь твой вечеръ тихъ и нѣженъ,
И когда придетъ пора,
Благодатень, безмятеженъ
Сонъ невинный до утра!

---

*
* * *

Опять луна горитъ у насъ въ саду,
Не отводя томительнаго взгляда...
Опять тебя нигдѣ я не найду
По всѣмъ тропамъ сіяющаго сада.

Д. ШЕСТАКОВЪ.

Все шепчетъ мнѣ о счастьѣ и веснѣ,
Все робкую тревогу навѣваетъ,
И лучъ росы, проснувшись при лунѣ,
Влюбленную улыбкою сіяетъ.

Земной красы и неземныхъ красотъ
Волшебное я праздную сліянье,
И лишь тебя душѣ не достаетъ,
И лишь тебя зоветъ мое желанье!..

---

*
* * *

Челнока моего никому не догнать!..
Далеко берега отошли...
Полнозвучна волна, на душѣ благодать...
Гдѣ ты, блѣдная скука земли!

И любитъся далью лазурною взоръ,
Полной всплесковъ играющихъ волнъ,
И на встрѣчу зарѣ въ безпредѣльный просторъ
Убѣгаетъ ликующій челнъ!

То не челнъ, не волна,—это юность моя,
Это крылья у пѣсни росли,
Это пѣла душа, жажду счастья тая...
Что мнѣ блѣдная скука земли!

ПОДЪ МУЗЫКУ.

Въ ласковыхъ глазкахъ твоихъ блеснули алмазныя
слезы,
Блѣдныя ручки твои тихо легли на рояль,
И зазвенѣли—запѣли неясныя юности грезы,
И зарыдала въ груди зрѣвшая долго печаль...
Что жъ это съ сердцемъ моимъ? то больно и жадно
забьется,
То разрѣшается вдругъ въ долгій, томительный
вдохъ;
Звукамъ влекущимъ, манящимъ безсильно оно пре-
дается,
Тихо вступаетъ въ него музыки пламенный богъ!

---

* * *

Я сойду въ мой садъ пораньше,—
Не спугну ли легкихъ фей,
Въ красотѣ кудрей ихъ длинныхъ
И заплаканныхъ очей.

Надъ водой всю ночь сегодня
Собиралися онѣ,
Развиваясь и свиваясь
Въ хороводахъ при лунѣ.

Мнѣ бы только легкій трепетъ
Легкихъ крыльевъ уловить

Д. ШЕСТАКОВЪ.

И загадочнаго смѣха
Ускользящую нить...

У КОЛОДЦА.

гуломъ въ глубокой кувшинъ набѣгаетъ струя ле-
дяная...

лая дѣва, постой, дай поглядѣть на тебя!
иныя стрѣлы рѣсницъ упали на гордыя очи,
иной змѣею коса вьется на смугломъ плечѣ,
урится круглая бровь,—и въ трепетѣ дерзкій при-
шелецъ
цетъ... Ослѣпи же его молніей южныхъ очей!..

В. Шуфъ.

ВЕСНА.

Весна, весна! Цвѣтутъ фіалки,
На днѣ серебряной рѣки
При полномъ мѣсяцѣ русалки
Плетутъ душистые вѣнки.

Летятъ крикливою станицей
На дальній сѣверъ журавли,
И небо первую зарницей
Надъ моремъ вспыхнуло вдали!

---

* * *

X
Похоронена жизнь моя блѣдная,
И въ цвѣтахъ померанца на лбу
Она спитъ, молодая и блѣдная,
Вѣчнымъ сномъ въ бѣлоснѣжномъ гробу.

В. ШУФЪ.

И не слышно надъ нею рыданія,
Не заплачетъ надъ нею семья,
И улыбкой одной состраданія
Ее въ землю проводятъ друзья.

Ты, разбившая счастье послѣднее
И надежду въ усталой груди,
Только ты на кладбище сосѣднее,
На могилу мою—приходи!..

Н. Энгельгардтъ.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

(Баллада).

Цѣлый день въ саду зеленомъ
Молоточкомъ бьетъ кузнечикъ:
Онъ куетъ вооруженье
Своему меньшому сыну.

Сынъ лежитъ, задравши ноги,
Въ лопухахъ, въ тѣни широкой.
Онъ лежитъ и грезитъ сладко,
Знойнымъ полднемъ опьяненный.

Грезитъ онъ: собралось много
На турниръ насѣкомыхъ;
На широкую поляну
Мѣсяцъ льетъ свое сіянье.

Комары трубятъ, и стройно
На арену выступаютъ
Кузнецы, жуки, медвѣдки,
Всѣ закованные въ латы.

Противъ нихъ, большеголовый,
Перетянутый, блестящій,
Словно вымазанный масломъ,
Муравей одинъ выходитъ...

Да, одинъ! Несокрушима
Сила челюстей могучихъ!
Весь, свирѣпый, онъ пропитанъ
Смертоноснымъ, жгучимъ ядомъ!

Но смотрите! Вотъ кузнечикъ
Изъ толпы выходитъ смѣло —
Озаренный луннымъ блескомъ,
Онъ подобенъ изумруду.

Онъ кидается отважно
На лѣснаго великана...
Мигъ—и талія злодѣя
Порвалась какъ нить гнилая!

Затрубили громко трубы,
Ихъ покрыло стрекотанье
Сотенъ челюстей и крыльевъ
Восхищенныхъ насѣкомыхъ.

Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ,

«Слава, слава, нашъ кузничикъ!
Ты герой въ саду и въ полѣ!»
Машутъ бабочки крылами,
Но на нихъ герой не смотритъ!—

Онъ стоитъ среди арены,
Полонъ гордаго восторга.
Озаренный луннымъ свѣтомъ,
Онъ подобенъ изумруду.

---

*
* *

Въ водахъ глубокихъ
Нѣмья рыбы,
Въ кружокъ собравшись,
Дремали тихо.
Изъ за деревьевъ
Луна сіяла.
И шевелился
Тростникъ зеленый,
И сквозь плотину
Вода сочилась,
И тѣни
Березъ высокихъ
Черезъ дорогу
Перетянулись,
И отдавались
Такъ четко, звонко
Шаги мои.

Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

Поля пустыньны,
По деревнямъ
Огни потухли,
Усадьбы спятъ.
На лунномъ свѣтѣ
Усѣлась жаба
И спину грѣть...
Нѣмая ночь!..
Стою и жду—
Вотъ захочетъ
Вдали русалка!

Вотъ пронесется
Призывъ звенящій
И полетятъ
Толпами души
И въ хороводахъ
Начнутъ плясать...

Но все спокойно...
Напрасно ухо
Такъ напряженно
И жадно ловить
Малѣйшій шорохъ,
Напрасно очи
Въ дали туманной
Чего то ищутъ—
Деревни тихи,
Поля пустыньны...
И мертвымъ сномъ
Усадьбы спятъ...

* * *

Въ этой лужицѣ укромной
Подъ развѣсистой ольхою,
Ходятъ рыбокъ серебристыхъ
Осторожныя станицы.
Переваливаясь важно,
Словно толстая купчиха,
Изъ воды лягушка лѣзетъ.
Второпяхъ перебѣгаютъ
И суются безтолково
Водяные пауки.
Межъ камней по дну влачится
Кровожадная пѣвка,
А какія то букашки,
Словно красные клубочки,
Живо вертятся волчкомъ...
Видишь: небо отразилось
На поверхности спокойной,
Облака вверху проходятъ —
Облака проходятъ въ лужѣ...
Часто маленькая нимфа
Межъ осокой проберется,
И на этомъ камнѣ сидя,
Моетъ маленькія ножки.

Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

БОГАТЫРЬ.

(*Легенда*).

Въ глубинѣ пещеры недоступной,
Гдѣ царить глубокій мракъ и холодъ,
Погруженный въ сонъ, сидитъ безмолвно
Богатырь могучій, стародавній.

Каждый разъ, когда весна нисходитъ
На печальный сѣверъ, въ ту пещеру
Прилетаетъ маленькая пташка,
На плечо богатыря садится
И поетъ она ему про землю:

«Спи, могучій, старый, добрый витязь!
«Такъ-же солнце свѣтитъ надъ землею,
«Такъ-же мать качаетъ въ люлькѣ сына,
«Такъ-же дѣву юноша цѣлуетъ,
«Такъ-же крестъ горитъ надъ Божьимъ храмомъ!
«Спи! Твой мечъ еще не нуженъ міру!»

Богатырь во снѣ вздохнетъ глубоко,
И улыбкой кроткой улыбнется...

* * *

Въ глубинѣ ручья прозрачной
Ходятъ маленькія рыбки.
Бросишь камешекъ—сверкнутъ,
И мгновенно пропадутъ.

Такъ въ очахъ твоихъ порою
Я любовь и грусть читаю,
Но спрошу тебя—и вотъ,
Все мгновенно пропадетъ.

ИЗЪ «ОТРЫВКА».

...Мой городокъ, скажи: давно-ли,
Въ провинціальной тишинѣ,
Сидѣлъ я надъ латынью въ школѣ,
Неблагодарною ко мнѣ?
Давно-ли классикъ закоснѣлый
Мнѣ рѣчь эллинскую внушалъ
И единицею дебелой
Мои тетради украшалъ?..
Давно-ли мнѣ злодѣи чехи
Чинили всякія помѣхи?
И что-жъ?—подъ ихъ гнусливый крикъ,
На задней партѣ усыпленный,

И ЖЕЛТЫМЪЛЪ.

Душой съ нѣмой истощенной.

О чемъ въ тишинѣ думатьъ.

. . . . .

Прекрасенъ первый морозъ

И снѣгъ хмелемъ на траву

Наивнѣе лѣтъ воспоминанья.

Какъ медленнѣе вѣтеръ, пологнѣе

Я серпентъ юль въ тѣнѣ въ вѣнѣ

И, чуя въ тишинѣ морозъ

Скитанья лижнаго въ тѣнѣ

Видишь отъ дѣтокъ шарканья.

Иль нагъ рѣкой въ тѣнѣ теченья

Найди себя прелесть шарканья.

Лежало, жужжа, въ тѣнѣ

Зашелестѣть тихонько жуж.

Плеснуть вѣтромъ. Укрыть тихонько

Канюки спящихъ жужженье.

На днѣ глубокаго моря волну

Глѣ бысть, жужжа, въ тѣнѣ, волну.

Взмывають старыя волнунья,

Стрелы носятся стаями.

И съ дуновеньемъ вѣтерка,

И плывемъ жаворонки нѣжныхъ.

И наѣжкомаго міра

Со стрекотаніемъ безбрежнымъ—

Въ блаженномъ, сладкомъ полуснѣ.

Веселой дѣвочкой ко мнѣ

Сходила муза такъ охотно,

И, словно бабочка, кругомъ

Н. ЭНГЕЛЬГАРТЪ.

Надъ каждой травкой и цвѣткомъ
Со мной порхала беззаботно...
Касались струнъ души моей
Богини маленькія руки,
Невнятно пробуждая въ ней
Еще безформенные звуки...

. . . . .

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предисловіе	1
К. Бальмонтъ.	
Фантазія («Какъ живыя изваянья, въ искрахъ дун- наго сіянья»).	3
Молитва («Господи Боже, склони свои вворы»). . .	4
Среди шхеръ («Какъ сладко мечтать одиноко»). . .	5
Марусѣ С*** («О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня»).	6
«Я мечтою ловилъ уходящія тѣни»	7
В. Брюсовъ.	
«Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ».	8
А. Будищевъ.	
Ожиданіе («Въ тихій садъ, гдѣ къ цвѣтущимъ сп- ренямъ»).	9
Весна («Идетъ, шумитъ, нарядная»).	10
Въ полѣ («Тихо въ полѣ у насъ, тихо ночью и днемъ»).	11
Утѣшеніе («Малютка, сядь сюда, къ окну, со мною рядомъ»).	12
И. Бунинъ.	
«Бушуетъ полая вода».	14
«То разростаясь, то невнятно».	15

	стр.
«Помню, — долгій, зимній вечеръ»	17
Въ лѣсу («Какъ флеромъ голубымъ, закрывъ на пол- часа»)	18
П. Бутурлинъ, гр.	
Фіалки («Темныя фіалки, отъ росы измокшія») . . .	20
Арлеккино («Арлеккино, мой другъ, я поэму писалъ») .	21
Безлунная ночь («У порога бѣлой хаты»)	—
Баядера	22
Іюньскія ночи («Отцвѣтають послѣднія кисти си- рени»)	24
Элегія («Средь мечтаній сокровенныхъ, мимолетнымъ привидѣніемъ»)	25
«Ночи у моря мятежнаго»	27
В. Величко.	
Изъ женскихъ силуэтовъ («Она не дѣвочка!.. Ея сердце волновали»)	28
Иноплеменнику	29
«Ночь усталый міръ заворожила»	—
— На мотивъ Никольсона («Однажды отъ трудовъ и странствій утомясь»)	30
Горійская башня	—
М. Гербановскій.	
Равлука («Въ дымкѣ вечера терялась»)	35
Въ степи («Надъ степью чуть брезжить молочный разсвѣтъ»)	36
В. Гессенъ.	
Жизнь («Юноша, челнъ снаряжая, пускался въ от- крытое море»)	37
«Умереть я хотѣлъ бы у моря»	38
В. Дрентельнъ (Юрьевъ).	
«Вывела курица малыхъ утятъ»	39
«Въ сумракѣ ночи, въ одной изъ аллей»	—
«Роняетъ листъ берега»	40
«Кто безъ любви спокойно»	—
«Вдали отъ людскаго веселья»	41

1. Кузнецов, Иванъ.

Известно, что он не был ни

2. Кузнецовъ

— так же, как и Иванъ.

3. Кореньковъ

Известно, что он

— так же, как и Иванъ.

Известно, что он не был ни

ни Иванъ, ни Иванъ.

Известно, что он не был ни

ни Иванъ, ни Иванъ.

Известно

4. Косовичъ

Известно, что он не был ни

— так же, как и Иванъ.

Известно, что он не был ни

5. Кузнецъ, П.

Известно, что он не был ни

6. Лавровъ

Известно, что он не был ни

— так же, как и Иванъ.

Известно, что он не был ни

ни Иванъ, ни Иванъ.

Известно

7. Лавровъ

Известно, что он не был ни

— так же, как и Иванъ.

Известно

Известно, что он не был ни

— так же, как и Иванъ.

Известно, что он не был ни

8. Лавровъ

Известно, что он не был ни

9. Лавровъ

Известно, что он не был ни

А. Лукьяновъ.

«Любишь?.. Темныя рѣсницы»	75
«Звѣзда вечерняя зажглася за окномъ»	—

К. Льдовъ.

«Влѣднѣютъ полночныя тѣни»	77
«Какъ пламя дальняго камина»	78
«Дремлетъ міръ, окутанъ дымкой»	79
«Городъ полуночной грезой объять»	80
«Я долго ждалъ въ любви, какъ въ пѣснѣ, окончанья»	—
«Въ бреду (Что-же это?.. Бредъ или греза?)»	81
«Посмотри-ка, занавѣска»	82
Первая любовь	83

И. Лялечкинъ.

«Незабудки, васильки»	87
«Прости, прости!.. Дай ручку мнѣ, не бойся»	88

В. Мазуркевичъ.

Торреадоръ	90
----------------------	----

Л. Медвѣдевъ.

Зимняя дорога («Уходитъ день. Надъ гладью снѣжной»)	92
---	----

К. Медвѣдскій.

«Лазурное небо, въ водѣ отражаясь»	93
«Серебряный камышъ серебряной рѣки»	94
«Въ такую ночь я не могу уснуть»	—
«Туда, гдѣ роца тихая стоитъ»	95
Май («Весело иду знакомою дорогой»)	—

Д. Мережковский.

Изъ поэмы «Смерть» («Кладите рельсы, шакты роите»	97
Передъ зарею	98
Х Голубое небо («Я людямъ чуждъ»)	99
Парки	—
Х> «Если розы тихо осыпаются»	101
«Мы въ одной долині о любви мечтали»	
Пѣсня шута («То не въ полѣ головы сбиваетъ дитя»	
Изъ поэмы «Семья» («Проза любви»)	
Пѣснь баядеръ	

PG 3232 .P4
Molodaia poezila

C.1

Stanford University Libraries

3 6105 036 777 378

PG
3232
.P4

[illegible]

